

НѢСКОЛЬКО МЫСЛЕЙ

ПО ПОВОДУ СОЧИНЕНІЯ:

1901
733

Нѣмецкая Психологія въ текущемъ столѣтіи, историческое и критическое изслѣдованіе, съ предварительнымъ очеркомъ успѣховъ Психологіи со временъ Вэкона и Локка.

■■■■■■■■■■, Москва, 1867.

И. Троицкого

КІЕВЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ Е. ФЕДОРОВА.

1867.

Дозволено Цензурою 26-го ноября 1867 года.

Психологія должна имѣть важное значеніе. Занимаясь изслѣдованіемъ явленій нашей внутренней жизни и ихъ законовъ, она представляетъ намъ какъ-бы въ миньятюрѣ и въ своихъ основаніяхъ тотъ самый міръ, которымъ занимается исторія; въ ея содержаніи мы находимъ самыя начала того множества нитей, изъ котораго сплетается необозримая ткань нашей теоретической и практической дѣятельности. Понятно, какъ важно повѣрять одинъ міръ другимъ, и какъ много значить въ наукѣ психологіи соотвѣтствіе полнотѣ нашей жизни и избѣжаніе односторонности въ изображеніи ея явленій. Но наука не можетъ разомъ охватить всей полноты нашего внутренняго міра. Не смотря на многіе замѣчательные труды въ этой области знанія, быть можетъ, ни одна наука не имѣетъ такого множества самыхъ разнохарактерныхъ направленій, какъ психологія. Не всегда можно это разногласіе ставить въ вину изслѣдователямъ. Самое свойство предмета психологіи таково, что оно открываетъ болѣе простора не только разногласію, но даже и противоположности во взглядахъ; потому что предметъ ея не только не имѣетъ видимыхъ, виѣшнихъ очертаній, но и внутри самаго изслѣдователя переплетенъ съ его собственною жизнію, и разомъ требуетъ отъ него двухъ ролей—и судьи и потсудимаго, и испытывающаго и испытываемаго. Достаточно, если неутомимыми изслѣдованіями вопросы ея одинъ за другимъ будутъ, по крайней мѣрѣ, разъясняться такъ, что проложатъ путь не разладу, а гармоніи; когда основательно и

точно разсмотрѣны будутъ какъ причины разногласія, такъ и тѣ точки соприкосновенія, которыя перѣдко скрываются даже между самими, по видимому, противоположными направленіями. При мысли о важномъ значеніи подобныхъ научныхъ изслѣдованій въ дѣлѣ такой высокой науки, какъ наука о духѣ, мы съ невольнымъ удовольствіемъ встрѣчаемъ всякое психологическое сочиненіе въ нашей литературѣ. Съ удовольствіемъ взялись мы и за этотъ психологическій трудъ почтеннаго автора, и прежде всего, порадовались самому выбору вопроса, которому авторъ посвящаетъ свое изслѣдованіе и свой даръ изложенія. Отношеніе философіи, и въ частности, психологіи нѣмцевъ къ философіи и психологіи англичанъ представляетъ такъ много контрастовъ, хотя бы иной разъ только кажущихся, такъ поучительно по многимъ результатамъ для успѣховъ науки и образованія, что самое вниманіе къ нему уже достойно сочувствія.

Какъ же выполнена почтеннымъ авторомъ избранная имъ задача? Какъ онъ понялъ и изобразилъ замѣчательнѣйшія направленія въ историческомъ развитіи психологіи? Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ не станемъ входить въ далекія подробности, и ограничимся на этотъ разъ только немногими примѣчаніями, которыя сами собою могутъ объяснить и многія частныя особенности въ трудѣ автора.

I.

Главный вопросъ, какъ самое оглавленіе книги показываетъ, состоялъ въ томъ, чтобы изобразить нѣмецкую психологію въ текущемъ столѣтіи и показать, — представляетъ ли она достаточныя причины, для отрицанія исключительныхъ правъ индуктивной методы въ наукѣ о духѣ (стр. 3). А для того, авторъ предпосылаетъ сперва предварительный очеркъ успѣховъ психологіи со временъ Бэкова и Локка, какъ въ Англіи, такъ и на материкѣ Европы, въ XVII и XVIII вѣкѣ. Самый разборъ нѣмецкой пси-

психологіи въ текущемъ столѣтіи, авторъ желаетъ довести до того момента, когда она достигла наиболѣе уважительнаго вида (стр. 4). Мысль о сравненіи методы, принятой англійскими психологами, съ методами, господствовавшими у замѣчательнѣйшихъ психологовъ германскихъ, достойна самаго серьезнаго ученаго труда; но намъ кажется, что авторъ какъ въ первомъ зарожденіи органической формы своего труда, такъ особенно въ самомъ выполненіи его, допустилъ значительное колебаніе, такъ что трудно рѣшать, что именно хотѣлъ авторъ представить—сравненіе ли психологической методы въ Англіи и на материкѣ Европы, преимущественно же въ Германіи въ XIX вѣкѣ, или вообще историческій ходъ понятій о методѣ и разныхъ направленій философіи и психологіи? Стройной и твердой, рельефной логической структуры въ сочиненіи автора мы не находимъ. Все сочиненіе раздѣлено на двѣ главныя части: въ первой изображаются *успѣхи психологиче- со временъ Бэкона и Локка*, во второй—*главныя направленія нѣмецкой психологіи въ текущемъ столѣтіи*. Въ первой части, состоящей изъ десяти главъ, нужно различать собственно четыре отдѣла: предметъ перваго—*успѣхи психологической методы* или проще историческій ходъ въ Англіи понятій о методѣ вообще и особенно въ примѣненіи къ психологіи (4 главы); предметъ втораго—*психологическая метода во Франціи и въ Германіи* (Глава V-ая); предметъ третьяго—*успѣхи психологическаго анализа*; здѣсь авторъ представляетъ на дѣлѣ тотъ результатъ, до котораго достигла психологическая метода въ Англіи, и какъ она выразилась анализомъ чувственности, анализомъ ума, духовныхъ волненій и воли (глав. VI, VII, VIII и IX); наконецъ, въ четвертомъ отдѣлѣ авторъ изображаетъ психологическій анализъ въ Германіи въ XIX вѣкѣ. Вторая, главная часть раздѣлена на пять главъ, которыя совпадаютъ съ самимъ развѣтвленіемъ ея содержанія: въ первой говорится о психологіи нѣмецкаго идеализма, во второй—о

психологіи Кантовой школы, въ третьей о психологіи Гербартовой школы, въ четвертой—о психологіи Бенеке, наконецъ, въ пятой—авторъ дѣлаетъ заключеніе и нѣкоторыя дополнительныя замѣчанія о примирительной методѣ, о нѣмецкомъ эклектизмѣ, о Фихте младшемъ, о Лёде, о Фортляге, о Фехнерѣ, Вундтѣ и о нѣмецкой фізіологической литературѣ о духѣ (стр. 307—658). Понятно, что авторъ желалъ, по видимому, совмѣстить изображеніе историческаго хода понятій о психологіи и психологической методѣ у англичанъ и на материкѣ Европы отъ 17 до 19 вѣка, съ критическимъ разборомъ самыхъ методъ; но у него вышла какая—то слишкомъ замѣтная неопредѣленность и колебаніе между этими двумя формами въ развитіи его ученаго труда. Быть можетъ, это колебаніе не слишкомъ важно; но оно можетъ иногда вредить самому рѣшенію вопроса, не давая твердой опредѣленной мысли или цѣли, которая правила бы всѣми подробностями развитія, и онѣ по неволѣ будутъ разбѣгаться во всѣ стороны, не приводя ни къ чему опредѣленному. Когда мы имѣемъ въ виду только изложеніе историческаго хода разныхъ доктринъ или чужихъ понятій о какомъ—нибудь вопросѣ, то иной разъ можно еще какъ—нибудь обойтись безъ самостоятельно—выработаннаго понятія о немъ, безъ одной, общей точки зрѣнія, направленной къ опредѣленію относительнаго значенія взглядовъ, высказанныхъ другими; но когда прямую задачу нашу составляетъ сопоставленіе и сравнительное изложеніе различныхъ направленій въ какой—либо наукѣ, напримѣръ, въ психологіи, то уже мало одного историческаго знакомства съ ними; тогда необходима еще и выработанная общая точка зрѣнія, которая пособила бы намъ выразумѣть внутренній смыслъ и относительное значеніе ихъ въ общемъ составѣ психологическихъ задачъ и цѣлаго зданія психологіи. И это относительное значеніе разныхъ направленій должно предстать, какъ результатъ сравнительнаго ихъ разбора. Задавшись только первымъ дѣломъ

потомъ усиливаясь перейти въ другое, мы можемъ очутиться безъ общаго, живаго и зрѣлаго начала для правильной оцѣнки и группированія психологическихъ трудовъ, и по-неводѣ будемъ потомъ ограничиваться только изложеніемъ ихъ непосредственного содержанія и хронологическою послѣдовательностію. Все дѣло критической оцѣнки будетъ ограничиваться развѣ какими-нибудь однообразными примѣчаніями, вышедшими изъ субъективныхъ случайностей, ничего не опредѣляющими и не ведущими ни къ чему цѣлому. Это именно случилось и съ авторомъ. Судя по утомительной однообразности его критическихъ примѣчаній о разныхъ психологическихъ ученіяхъ и общихъ направленіяхъ философіи на материкѣ Европы, можно думать, что сочиненіе первоначально имѣло характеръ простыхъ выписокъ и случайныхъ замѣтокъ, касавшихся историческаго хода философіи и психологіи въ ихъ хронологическомъ порядкѣ; но потомъ, возникла у автора попытка сообщить имъ характеръ сравнительнаго изображенія главныхъ направленій психологіи, и—вышло нѣчто въ родѣ сборника, безъ единства опредѣленной мысли, безъ всякаго цѣльнаго понятія о постепенномъ развитіи и органическомъ соотношеніи главныхъ видоизмѣненій науки о человѣческомъ духѣ.

Но оставимъ эту зыбкость въ общей формѣ сочиненія, и, каковы бы ни были недостатки въ цѣлой структурѣ его, будемъ соображать наши требованія только съ тѣмъ, что достаточно ясно авторъ желалъ высказать и высказалъ. Авторъ, какъ мы уже знаемъ, изображаетъ сперва исторію взглядовъ на психологію и психологическую методу у англичанъ (стр. 7—100); потомъ разсматриваетъ психологическую методу во Франціи и Германіи отъ XVII-го до XIX-го вѣка (101—129), и затѣмъ, показавши образецъ психологическаго анализа у англичанъ и нѣмцевъ, преимущественно занимается изображеніемъ нѣмецкой психологіи, съ главными ея направленіями, въ XIX вѣкѣ. Всѣ эти направленія психологіи въ Англіи разсматриваются у автора по

отношенію ихъ къ психологiи англійской. Итакъ, читателю очень естественно ожидать, что авторъ, изобразивши сперва характеръ психологiи и психологическаго метода у англичанъ, представитъ потомъ точное понятіе какъ объ общемъ отличительномъ характерѣ психологическихъ приѣмовъ и психологическихъ изслѣдованій у французовъ, и особенно у нѣмцевъ, такъ и о замѣчательнѣйшихъ направленіяхъ, въ которыхъ выразилась ихъ идея психологiи, и все это изложеніе направитъ къ тому, чтобы сдѣлать сравнительную оцѣнку психологическаго метода и содержанія съ обѣихъ сторонъ. Въ особенности, очевидна была необходимость — критически разсмотрѣть значеніе индуктивной методики въ примѣненіи къ задачамъ психологiи и изслѣдовать ее сравнительно съ тѣми приѣмами, которыми пользовались въ психологiи разныя школы германскихъ мыслителей. Подобное изображеніе состоянія психологiи въ новыя времена, выполненное основательно и безъ всякихъ тенденціозностей, само собою способствовало бы образованію болѣе правильной и лучшей точки зрѣнія на ея задачи. Къ сожалѣнію, у автора вышло далеко не то, чего мы вправѣ были ожидать, а на послѣдній, существенно-важный вопросъ даже ровно никакого нѣтъ отвѣта. Сначала, пока авторъ дѣлаетъ (стр. 7—101) выписки изъ сочиненій англійскихъ мыслителей и только передаетъ ихъ понятія о методѣ и задачѣ психологическихъ изслѣдованій, и потомъ, далѣе (въ третьемъ отдѣлѣ, стр. 131—267), гдѣ предлагается какъ бы самый образчикъ классификаціи психическихъ явленій, по принятой у нѣкоторыхъ англійскихъ психологовъ методѣ, трудъ его, какъ разсказать, какъ изложеніе результатовъ, добытыхъ учеными трудами мыслителей, меньше имѣетъ недостатковъ и отличается ясностію и отчетливостію: можно даже сказать, что начало въ трудѣ почтеннаго автора пріятно дѣйствуетъ на читателя; по крайней мѣрѣ, такъ оно подѣйствовало на насъ своимъ началомъ. Авторъ серьезно приступаетъ къ своимъ изслѣдованіямъ, довольно забо-

также излагаетъ историческое развитіе взглядовъ англійскихъ мыслителей на задачу и методу психологическихъ изслѣдованій; самое изложеніе, какъ и вездѣ почти, отличается какою-то классическою правильностію и изящствомъ. Въ первомъ отдѣлѣ самая однообразность матеріала меньше давала поводовъ къ какимъ-нибудь значительнымъ недостаткамъ; такъ-какъ дѣло не дошло еще до другаго, несходнаго съ англійскимъ содержанія психологіи и до другихъ психологическихъ приѣмовъ, которые вызывали бы къ широкой сравнительной оцѣнкѣ однихъ психологическихъ направленій съ другими. А потому, нѣтъ нужды долго останавливаться на этой части; ограничимся только не многими примѣчаніями и перейдемъ прямо ко второй. Рассказывая о томъ, что сдѣлалъ Бэконъ для сообщенія наукъ вообще новаго направленія, почтенный авторъ, какъ намъ кажется, обнаруживаетъ нѣкоторую поверхностность во взглядѣ на бэконовское дѣленіе человѣческихъ знаній (стр. 24—25). Авторъ находитъ въ бэконовскомъ раздѣленіи всѣхъ человѣческихъ знаній на три вѣтви—исторію, поэзію и философію какой-то *важный шагъ въ исторіи наукъ*, и думаетъ такъ именно потому, что это раздѣленіе было въ неразрывной связи съ торжествомъ индуктивной методы. Высказавши этотъ взглядъ на бэконовское раздѣленіе наукъ, авторъ тутъ же (стр. 24) говоритъ, что оно было очень важно особенно по сравненію съ энциклопедіею наукъ у схоластиковъ. Но всѣ эти три положенія не получили ровно никакого развитія и оправданія; что же касается перваго положенія касательно достоинства бэконовскаго раздѣленія всѣхъ наукъ на три вѣтви, то оно просто неосновательно. Извѣстно, что у Бэкона это дѣленіе наукъ основывалось на трехъ способностяхъ души—памяти, воображеніи и разсудкѣ; но никто теперь не станетъ превозносить подобнаго раздѣленія, смѣшивающаго науку съ искусствомъ или съ поэзіею, не станетъ и раздѣленіе знаній основывать на воображеніи и памяти; иначе мы произведемъ хаосъ въ энциклопедіи наукъ не

хуже схоластическаго, который будетъ только доказывать жалкое положеніе психологическаго анализа и сбивчивость въ понятіяхъ о значеніи и послѣдовательности такъ называемыхъ способностей души. Воображеніе и память могутъ доставить только матеріаль науки; кромѣ того, воображеніе можетъ облекать иногда содержаніе науки въ образныя формы; что же касается систематической энциклопедіи наукъ, то она можетъ основываться только на мыслительной дѣятельности съ одной стороны, и на степеняхъ жизни въ окружающемъ насъ мірѣ—съ другой. Смѣшивая, подобно Бэкону, поэзію съ наукою, авторъ не замѣчаетъ, что переходитъ въ схоластику и при томъ очень недавнюю, когда трактовали объ *artes liberales* и *belles lettres* сами не знали что это такое—науки, или искусства? Находить, по этому, важный шагъ науки въ ложномъ выводѣ разныхъ отраслей знанія, въ смѣшеніи науки съ искусствомъ—также довольно странно. Такъ—же странно думать, будто индуктивная метода находится въ связи именно съ этою ложною классификаціею знаній, а не съ другою болѣе правильною. Изъ того, что Бэконъ возставалъ противъ схоластики и силлогизма и заботился объ индукціи, еще не слѣдуетъ, что индуктивная метода была въ неразрывной связи съ его раздѣленіемъ энциклопедіи наукъ. Даже едва-ли вѣрно, что Бэконъ устранилъ совершенно прежнее метафизическое содержаніе изъ своей энциклопедіи. По крайней мѣрѣ, слѣдовало оправдать этотъ взглядъ на отношеніе бэконовской энциклопедіи къ схоластической точнымъ указаніемъ содержанія той и другой. Но авторъ слабо коснувшись первой, ничего не говоритъ и о второй, и только увѣряетъ въ нѣсколькихъ словахъ, что ею управлялъ силлогизмъ съ своими широкими притязаніями; но почему это именно такъ, въ чемъ она состояла, кто именно ее высказалъ въ средніе вѣка,—все это осталось не извѣстнымъ. Быть можетъ, почтенный авторъ подъ новою энциклопедіею разумѣлъ ту, въ которой все знаніе, или по крайней

нѣтъ философское знаніе дѣлилось на три отрасли, — на семіотику или логику, практическую философію и физику. Но это дѣленіе принадлежит не Бэкону, а древнимъ мыслителямъ и, кромѣ того, не имѣетъ связи съ бэконовскимъ дѣленіемъ знаній, основаннымъ на способностяхъ души и утверждается именно только на высшей познавательной дѣятельности въ примѣненіи ея къ степенямъ познаваемой жизни. Далѣе, авторъ довольно сбивчиво объясняетъ значеніе локковой *рефлексіи* (36—40), и усиливается непремѣнно осмыслить ее въ локковскомъ значеніи, какъ другое, кромѣ *ощущенія*, начало познавательной дѣятельности. Почтенный авторъ не хочетъ замѣтить, что, ставя *рефлексію*, какъ особенное начало нѣкоторыхъ психическихъ явленій, онъ вводитъ психологію и гносеологію (теорію познанія) на первыхъ же порахъ въ безвыходное противорѣчіе. Одно изъ двухъ: или, если *рефлексія* есть другое, высшее въ сравненіи съ ощущеніемъ, начало нѣкоторыхъ психическихъ отправленій, если есть даже идеи, исключительно образуемая рефлексією, то, какъ рефлектирующая, она уже выше одного механическаго или безотчетнаго сдѣянія психическихъ явленій, совершающагося только подѣ влияніемъ внѣшняго толчка; она непремѣнно должна имѣть въ себѣ какое-нибудь начало, независимое отъ ощущенія и сообщающее извѣстную сознательную форму, структуру ея работѣ. Или, если рефлексія есть только дальнѣйшее развитіе ощущенія и не имѣетъ у себя ничего самостоятельнаго, никакого предрасположенія къ тому порядку, въ которомъ явятся потомъ образуемая подѣ ея влияніемъ идеи, то нужно допустить не два начала психической дѣятельности, а одно—ощущеніе. Такъ именно, и совершенно правильно, пользуясь Локкомъ, поступилъ Кондильякъ (въ XVIII в.), развивая далѣе его понятіе объ этихъ двухъ началахъ или источникахъ нашихъ идей; съ такимъ же правомъ могъ отказаться отъ локковской рефлексіи и Гертли, ограничивши все дѣло познания только ассоціацією перцепцій

и представлений, такъ-какъ въ самой натурѣ рефлексіи не было никакого основанія порядку идей, найденному Локкомъ. Различіе между ними только то, что въ кондильяковскомъ развитіи и метаморфозѣ ощущенія видно болѣе жизненнаго чутія, нежели въ механической ассоціаціи Гертли. Съ признаніемъ ощущенія за единственное начало всѣхъ дальнѣйшихъ явленій душевной дѣятельности, оставалось бы только показать, какимъ образомъ ощущеніе или ощущающее въ насъ начало переходитъ изъ свойственнаго ему пассивнаго состоянія въ возрѣніе на него, какъ изъ свойственной ему слитности оно переходитъ въ состояние дѣятельности, сопровождающей рефлексію. Но авторъ такъ объясняетъ Локково понятіе о двухъ источникахъ идей, какъ будто оно въ самомъ дѣлѣ вполне состоятельно.

Нельзя не обратить вниманія еще и на все развитіе и содержаніе перваго отдѣла. Задачею его было изложеніе успѣховъ психологической методы въ Англіи со временъ Бэкона и Локка; но выполненіе этой задачи, по самой формѣ своей, не вполне ей соответствуетъ. У автора этотъ отдѣлъ содержитъ въ себѣ нѣчто въ родѣ разсказа съ примѣсю нѣкотораго драматизма; выводятся на сцену разные лица—Локкъ, Гертли, Юмъ, Ридъ, Стюартъ, излагаются ихъ мысли, споры, дѣлаются изъ ихъ сочиненій обстоятельныя выписки; но этотъ конкретный способъ изложенія, по крайней мѣрѣ самъ по себѣ, быть можетъ не вполне достигаетъ цѣли безъ опредѣленнаго научнаго указанія успѣховъ психологической методы въ продолженіе почти трехъ вѣковъ. Быть можетъ, слѣдовало бы присоединить опредѣленное логическое указаніе различныхъ направлений, которыя существовали въ психологическихъ изслѣдованіяхъ англійскихъ мыслителей, начиная съ Бэкона и отражались въ самомъ состояніи психологіи въ разные времена. Это указаніе было бы важно потому, что въ Англіи господствовалъ не одинъ эмпиризмъ, но были представители и нѣкотораго идеализма. Знаніе отношенія ихъ къ

индуктивной методъ пособило бы лучше выразумѣть—кто больше правъ въ назначеніи предѣловъ изслѣдованіямъ индуктивной методы въ области психологіи. Необходимо было бы также, для доказательства успѣховъ индуктивной методы, привести и психологическую литературу въ Англіи, начиная съ Бэкона. Это было бы отчасти и фактическимъ подтвержденіемъ взгляда. Одни трактаты о методѣ еще не всегда могутъ быть доказательствомъ успѣшности психологическихъ изслѣдованій и богатства въ содержаніи психологическихъ трактатовъ, и смѣшивая одно съ другимъ, можно иногда впадать въ большія ошибки. Указанные нами недостатки можно отнести къ числу не важныхъ, безъ которыхъ не обходится почти ни одно ученое произведеніе. Но гораздо важнѣе недостатокъ перваго отдѣла тотъ, что въ немъ нигдѣ не видно самостоятельной мысли, которая изъ хронологическаго преемства разныхъ доктринъ, взглядовъ и споровъ образовало бы потомъ одно сосредоточенное и цѣльное понятіе объ индуктивной методѣ съ самостоятельнымъ критическимъ разборомъ ея значенія въ области психологіи. Не смотря на всю важность индуктивной методы въ области психологіи, тамъ, гдѣ дѣло идетъ именно объ индуктивной методѣ, никакъ нельзя было ограничиваться только изложеніемъ мнѣній о ней другихъ. Необходимо было самостоятельно рассмотреть ея значеніе именно въ области изслѣдованія психическихъ явленій, далеко несходныхъ съ явленіями физическими, и тѣ неудобства, на которыя указываютъ иногда, при исключительномъ господствѣ ея въ изслѣдованіяхъ психологической жизни. Всякая метода, въ чемъ бы она ни состояла, предполагаетъ болѣе или менѣе продолжительное сѣпленіе сужденій, и потому, должна имѣть въ своемъ процессѣ исходное начало или первую точку опоры и потомъ—конецъ или цѣль. Но могутъ сказать, не представляетъ ли индуктивная метода и въ своемъ базисѣ, и въ своемъ продолженіи и вершинѣ такихъ затрудненій и несообразностей, по крайней мѣрѣ

для перваго непосредственнаго взгляда, которыя требуютъ внимательнаго разсмотрѣнія, особенно въ сочиненіи, ищущемъ лучшей психологической методы? Стоить только обратить вниманіе на матеріалъ психологическихъ изслѣдованій и тотчасъ будетъ видно, что первое же исходное начало ея въ этой области имѣетъ дѣло съ такими явленіями, которыхъ нельзя такъ удержать предъ собою для опытовъ, какъ предметы вещественные; самое направленіе къ нимъ нашего вниманія уже отнимаетъ у нихъ типическую силу, либо и совсѣмъ уничтожаетъ ихъ. Другія недоумѣнія могутъ быть еще важнѣе. Индуктивная метода есть метода аналитическая и частіе—скептическая; она отправляется отъ наблюденія психическихъ явленій; но почему же, скажутъ, предметомъ ея должно быть только преемство явленій? Почему предметомъ ея не можетъ быть еще что-либо болѣе? Чтобы получить точное указаніе касательно задачи и предѣловъ индуктивной методы въ примѣненіи къ психической жизни, нужно обратиться уже не къ методѣ, а къ наблюденію, или точнѣе, къ самонаблюденію. Что же указываетъ намъ наблюденіе надъ нашею психическою жизнію? Одно ли преемство явленій, или что-нибудь болѣе? Физическія явленія не только находятся внѣ насъ, но и совершаются независимо отъ насъ. Когда естествоиспытатель изслѣдываетъ явленія электричества и гальванизма, когда астрономъ вычисляетъ орбиты планетъ, или время возвращенія какой-либо кометы, то тотъ и другой хорошо знаютъ законы въ преемственномъ ходѣ изслѣдованныхъ ими явленій; но въ сферу ихъ наблюденія нисколько не входитъ та общая цѣль, къ которой направлены всѣ процессы природы, всѣ движенія небесныхъ тѣлъ; потому что она внѣ наблюденія. Но отношеніе къ намъ психическихъ явленій нѣсколько инаково. Психическія явленія, кромѣ стороны безотчетной, независимой отъ насъ, кромѣ механической, безмысленной преемственности, имѣютъ еще сторону зависимую отъ нашей воли, отъ нашего самосознанія. Въ ихъ ряду наше самосознаніе

занимает мѣсто центральной дѣятельной силы; къ нему же, къ
 развитію и полнѣйшему выраженію его и направляется психическая
 дѣятельность. Значитъ, въ нашемъ внутреннемъ мірѣ есть
 что такое, чего нѣтъ въ цѣлой совокупности явленій внѣшняго
 міра. Какъ бы ни была значительна та часть въ нашемъ существѣ,
 которая изъята отъ нашего сознанія и воли, но одно то, что въ
 сферѣ явленій нашей психической жизни возникло что созна-
 тельное, рассматривающее свой внутренній міръ, какъ свой,
 уже значительно измѣняется характеръ этой жизни и отно-
 шеніе между ея явленіями: въ ней преемство явленій получаетъ
 для себя опредѣленіе съ двухъ сторонъ,—и со стороны пред-
 шествовавшаго имъ толчка, и со стороны внутренно-при-
 сущей нашему развитію цѣли. Если такъ, то намъ могутъ
 сказать, что въ примѣненіи къ сферѣ психической жизни
 должна измѣниться и самая задача наблюденія и изслѣдованія.
 Въ этой сферѣ мы должны изслѣдовать не одно преемство пси-
 хическихъ явленій во времени, но и самое развитіе и конструкцію
 ихъ, соотвѣтствующую нашему самосознанію; отъ насъ могутъ
 потребовать не только изученія механическаго закона ихъ пре-
 емства, но и цѣлесообразнаго развитія ихъ, которое опредѣляется
 не только снизу, наблюденіемъ чего-то разбѣгающагося въ видѣ
 линіи съ двумя безпредѣльными концами, но и сверху, или
 изнутри, самосознаніемъ, какъ центральною ихъ силою. А по-
 нятіе психической жизни, принимающее въ соображеніе и этотъ
 другой путь изслѣдованія, уже значительно полнѣе; оно уже не
 сходно съ тѣмъ понятіемъ, которое можетъ доставить индуктивная
 метода, въ томъ смыслѣ, какъ ее иногда понимаютъ: оно вы-
 ясняетъ не только преемство, но и смыслъ каждаго ряда пси-
 хическихъ явленій, въ общей экономіи душевной жизни. Нельзя
 смѣшивать внутренней цѣли, присущей развитію нашей психи-
 ческой жизни, съ какою-нибудь метафизическою цѣлію міра;
 первая проявляется въ нашемъ собственномъ самосознаніи, а

вторая—недоступна нашему наблюдению на—столько, чтобы по-
 монцію ея можно было объяснить значеніе всѣхъ явленій. Мы
 нисколько не хотимъ отрицать важнаго значенія индукціи въ
 дѣлѣ психическихъ изслѣдованій; но думаемъ только, что въ
 сочиненіи, рассматривающемъ главныя направленія психологіи и
 ея методы, никакъ нельзя было оставить безъ обстоятельнаго
 разбора ея значенія въ области явленій психической жизни, дабы
 потомъ можно было судить о ней въ сравненіи съ другими
 методами. Сколько бы кто ни разграничивалъ частныя отѣнки
 въ общемъ складѣ индуктивной методы, какъ напримѣръ, законъ
 согласія, разности, остатковъ и тому под., оттого нисколько
 еще не выясняется ея смыслъ и степень примѣнимости въ об-
 ласти психологіи. Если бы авторъ имѣлъ въ виду только изо-
 браженіе одной индуктивной методы въ отношеніи ея къ психо-
 логіи, то и тогда недостаточно было бы одного разсказа о томъ,
 что сдѣлали для нея другіе; но въ историко-критическомъ из-
 слѣдованіи разныхъ направленій психологической методы и пси-
 хологіи, уклоненіе отъ разбора индукціи, для сравнительной оцѣнки
 ея съ другими методами, составляетъ значительный недостатокъ,
 не гармонирующий съ задачею ученаго труда. Иное дѣло излагать
 только мысли другихъ въ хронологическомъ порядкѣ, а иное—
 изображать достоинство одного метода сравнительно съ другими.

Въ связи съ первымъ отдѣломъ въ сочиненіи автора можно
 упомянуть и о третьемъ отдѣлѣ (131—267), на который
 можно смотрѣть только какъ на продолженіе перваго, или какъ
 на приложеніе къ нему. Въ этомъ отдѣлѣ передается, въ извле-
 ченіяхъ изъ нѣкоторыхъ произведеній англійскихъ психологовъ,
 образецъ ихъ психологическаго анализа (успѣхи психологическаго
 анализа). Разборъ его былъ бы излишенъ, такъ—какъ въ немъ
 автору принадлежитъ только изложеніе, самое же изложеніе
 отличается достаточно^ю ясностію. Можно только пожалѣть объ
 одномъ, что авторъ и здѣсь поспешилъ на самостоятельное

составленіе общаго типа, общаго характера этого анализа въ примѣ-
неніи къ цѣльной внутренней жизни человѣка, чтобы потомъ лучше
можно было судить, въ чемъ именно заключается существенная
разница между содержаніемъ психологіи въ двухъ различныхъ
сферахъ психологическихъ изслѣдованій. Общій взглядъ на
характеръ психологическаго анализа у англичанъ тѣмъ не об-
ходимѣе, что ниже (стр. 268) будетъ рѣчь и о психологическомъ
анализѣ въ Германіи.

II.

Иной характеръ принимаетъ работа автора тамъ, гдѣ онъ
оставляетъ однообразное поле англійской психологической методы,
и роль повѣствователя перемѣняетъ на роль самостоятельнаго
судьи и критика (102—130, 268—658). Съ переходомъ къ
изображенію направленій философіи и психологіи въ XVII и
XVIII вѣкѣхъ въ Англіи и потомъ частице въ Германіи, особенно
въ XIX вѣкѣ, когда предметъ становится шире и разнообразнѣе,
авторъ ограничивается по большей части или крайне неопре-
дѣленнымъ, или даже прямо ошибочнымъ изложеніемъ какъ
философскихъ началъ, такъ и психологическихъ ученій, разви-
вавшихся подъ вліяніемъ разныхъ философскихъ системъ. Въ
особенности скудны и сбивчивы повятія автора о философскихъ
системахъ и методахъ, оказывшихъ больше или меньше вліянія
на психологію. Что касается критической оцѣнки психологиче-
скихъ и философскихъ системъ, то она почти вездѣ ограничи-
вается только самыми общими мѣстами, нисколько не касаю-
щимися ихъ духа и характера.

Остановимся сперва на второмъ отдѣлѣ, начинающемся
съ пятой главы (стр. 102). Общая задача этого отдѣла заклю-
чается въ разборѣ психологической методы во Франціи и въ
Германіи въ XVII, XVIII и XIX вѣкѣхъ. Судя по оглавленію (стр.

111), авторъ желалъ разсмотрѣть сперва судьбы психологической методы во Франціи, и для того сравниваетъ Гертля и Кондильяка, а потомъ переходитъ къ Лярометьеру, Ройе-Коляру, Менъ-де-Бирану и Кузену. Отъ Франціи авторъ переходитъ къ психологической методѣ въ Германіи, и въ этомъ отдѣлѣ говоритъ сперва о Лейбницѣ, Вольфѣ, Дальгамѣ, Кантѣ, Фихте, Фризѣ, Гербартѣ, Бенеке и о матеріалистической физиологіи; потомъ упоминаетъ о двухъ энциклопедіяхъ науки у Вольфа, объ изслѣдованіи сущностей у Лейбница и Вольфа, у Канта, Фихте, Фриза, Гербарта и Бенеке, о теоріи духовныхъ способностей у Декарта, Вольфа, Канта, Гербарта и Бенеке и, въ заключение, о состояніи индуктивной методы, объ отсутствіи критицизма и объ индукціи у Фриза и Бенеке. Судя даже по одному оглавленію, содержаніе его такъ многосложно и охватываетъ такой огромный періодъ (почти три столѣтія), что его никакъ нельзя было основательно изложить на двадцати восьми страницахъ, особенно послѣ того, какъ рассказъ объ одномъ историческомъ ходѣ гносеологическихъ и психологическихъ началъ въ Англіи занялъ у него почти сто страницъ. Но положимъ, что авторъ желалъ изложить все существенное въ самомъ сжатомъ видѣ, и будемъ разсматривать этотъ отдѣлъ въ томъ видѣ, какъ онъ есть. Но чтобы явственнѣе была поверхностность и неправильность сужденій автора въ этомъ отдѣлѣ, а потомъ, въ четвертомъ и пятомъ, перескажемъ сперва въ немногихъ словахъ общій ходъ умственного движенія, вліявшаго на психологическую методу и на направленіе психологическихъ идей и изслѣдованій, начиная съ XVII вѣка. Новое движеніе философіи въ XVII вѣкѣ начинается съ того, что Декартъ, желая какъ можно прочнѣе и самостоятельнѣе поставить теорію познанія на основаніи своего *cogito ergo sum* (я мыслю, слѣдоват., существую), призналъ мышленіе за существенное свойство духа, а протяженіе за существенный

признакъ вещественнаго міра. Точка отправленія декартовской философіи была направлена противъ схоластики, довольствовавшейся только заимствованнымъ содержаніемъ и силлогистическою формою, какъ единственною опорою его. Такъ-какъ оба предиката—мышленіе и протяженіе взаимно себя исключаютъ, то началомъ, связующимъ въ насъ душу и тѣло, познающее и предметъ познанія, Декартъ призвалъ существо Божіе. Таково было исходное начало философіи; долго влиявшее на материкъ Европы и на психологическую методу. Со взглядомъ Декарта неразрывны были слѣдующія отличительныя черты психологическаго направленія: *во первыхъ*, въ психологіи водворился крайній дуализмъ, *во вторыхъ*, не смотря на это крайнее раздвоеніе человѣческаго существа, задачею психологіи сдѣлалось опредѣленіе самаго существа души и связи души съ тѣломъ, хотя въ обоихъ отношеніяхъ оно было сопряжено съ неодолимыми затрудненіями. *Въ третьихъ*, такъ-какъ существо души разсматривалось только какъ нѣчто, существующее за предѣлами ея проявленій и какъ противоположное явленіямъ тѣлесной жизни, то и самое мышленіе, не смотря на то, что признано было существенно принадлежащимъ духу, удержало, наравнѣ съ другими явленіями душевной жизни, неопредѣленный характеръ такъ-называемой способности души; самое же существо души опредѣлялось какъ простое, несложное и неразрушаемое. Такимъ образомъ, и вопросъ о связи души и тѣла остался въ своей метафизической недоступности, и внутреннее соотношеніе между простотою души и ея способностями нисколько не было выяснено. Способности души обыкновенно только перечислялись, какъ существующія въ простомъ существѣ души, хотя вовсе не видно было закона, связующаго ихъ съ самою натурою и идеею духа. Подобныя психологическія понятія были въ неразрывной связи и съ особенною психологическою методою, господствовавшею и въ общей сферѣ философіи; ее можно назвать отвлеченною и частіе раз-

судочную; она ставитъ сперва двѣ составныя стороны нашего существа, какъ противоположныя, потомъ подробнѣе опредѣляетъ ихъ и изыскиваетъ средства къ ихъ сочетанію: цѣль ея состоитъ собственно въ объясненіи внутренней связи между терминами ея изслѣдованія, но въ результатѣ она всегда останавливается только на раздѣленіи ихъ и на внѣшнемъ соотношеніи, какъ двухъ чувственныхъ отдѣльныхъ вещей. Такова была эта психологія раціональная (rationalis) съ ея содержаніемъ и методомъ.

Во четвертыхъ, должно присовокупить, что если и въ то время возможно было эмпирическое описаніе состояній души и душевной дѣятельности, то по самой идее систематической психологіи, оно немогло имѣть особеннаго значенія, и занимало только отдѣльное мѣсто, внѣ этой раціональной (rationalis) психологіи. Идеи Декарта были поддержаны Гейлинксомъ, Мальбраншемъ и многими другими его послѣдователями и такимъ образомъ, господство ихъ на долго осталось непоколебимымъ. Даже Спиноза одною стороною своего ученія удерживалъ это раздѣленіе между мышленіемъ и протяженіемъ, между душою и тѣломъ, хотя съ другой—отождествляя эти противоположности въ единствѣ всеобщей субстанціи, онъ пролагалъ вдалека путь идеи тождества духа и вещества. Но въ этомъ же періодѣ преобладанія декартовскихъ началъ, Лейбницъ высказалъ свой новый взглядъ на душу и тѣло далеко не-сходный съ декартовскимъ. По смыслу этого взгляда, душа и тѣло составляютъ не двѣ отдѣльныя субстанціи, какъ у Декарта, но какъ-бы два полюса въ существѣ монады, изъ коихъ одинъ отличается пассивностію, безсознательностію,—свойствомъ отличающимъ все вещественное, другой — ясностію представленій и дѣятельнымъ характеромъ, какъ такимъ свойствомъ, которое мы приписываемъ духу. Какъ жизнь монады, одушевляющей человѣческое существо, такъ и послѣдовательный порядокъ всѣхъ монадъ состоитъ, по Лейбницу, въ постепенномъ повышеніи отъ жизни пассивной до состоянія

тивнаго, надѣленнаго совершенно яснымъ представленіемъ. Примѣняя этотъ взглядъ на монаду къ цѣлому міросозерцанію, Лейбницъ пытался связать въ одно цѣлое порядокъ жизни механическій и цѣлесообразный. Таковъ былъ взглядъ Лейбница, со стороны содержанія, имѣвшій близкое отношеніе и къ психологіи, но очень долго не оказывавшій почти никакого вліянія. Что касается формы или методы, то эту часть Лейбницъ оставилъ въ прежнемъ положеніи, не смотря на то, что самое содержаніе его взгляда было таково, что рано или поздно должно было измѣнить и понятіе какъ о методѣ вообще, такъ и въ примѣненіи ея къ психологіи. Нельзя не замѣтить еще одной особенности, которая сама собою возникала изъ духа лейбницево монадологіи въ примѣненіи къ психологіи. Въ то время, какъ у Декарта изученіе нашей чувственной жизни, по совершенной отдѣльности всего вещественнаго отъ духовнаго, было для психологіи безразлично; по смыслу лейбницева ученія, и экспериментальный путь психологическихъ изслѣдованій пріобрѣталъ нѣкоторое значеніе; потому что какъ отъ ясно-представляющаго и дѣятельнаго полюса монады можно было низойти къ пассивному и вещественному, такъ, на оборотъ, отъ этого послѣдняго можно было подойти къ первому или ясно-представляющему. Но, какъ мы сказали, взглядъ Лейбница на-долго остался безъ всякаго вліянія; мало того; прежнее направленіе не только удержалось, но и сильно было поддержано послѣдователемъ Лейбница Вольфомъ. Отказавшись отъ монадологіи Лейбница и представленной гармоніи въ томъ смыслѣ, какъ понималъ ее Лейбницъ, Вольфъ, можно сказать, только дальше развилъ и систематически провелъ тотъ-же декартовскій дуализмъ. Вотъ откуда вышли у него двѣ науки—*empyrica* и *rationalis*; это было только выводомъ изъ началъ, положенныхъ Декартомъ. Такъ-какъ двѣ субстанции, составляющія человѣческое существо, не смотря на то, что имъ свойственно дѣйствовать другъ на друга, отличаются

только взаимно себя исключаящими свойствами, то прямая психологія могла быть только раціональною или апріорною, а описаніе душевныхъ явленій, утверждавшееся на наблюденіи, могло идти только своимъ отдѣльнымъ путемъ. Но было бы не основательно (какъ увидимъ ниже) думать, что этотъ именно дуализмъ въ наукѣ удержался и въ XIX вѣкѣ.

Въ этихъ немногихъ строкахъ мы представили общій ходъ философскихъ началъ бывшихъ въ тѣсной связи съ духомъ психологіи XVII и XVIII вѣка, сперва преимущественно во Франціи, а потомъ, въ Германіи. Кантъ, заставшій это направленіе психологіи, ничего новаго не сдѣлалъ для нея. Признавши апріорныя формы познавательной дѣятельности и не выяснивши ни ихъ генесиса, ни связи съ самою натурою души, онъ составилъ теорію способностей, можно сказать, въ томъ же самомъ видѣ, какъ она существовала до него. Вліяніе его было важно только въ общемъ направленіи философіи, и только въ послѣдствіи, эта общая перемѣна, произшедшая подъ его вліяніемъ, обнаружилась, въ видѣ реакціи его началамъ, и въ психологіи; она проявилась германскимъ идеализмомъ, со свойственными ему новымъ направленіемъ психологіи и съ новыми приемами психологическихъ построеній. Кантъ отрицалъ возможность познанія существа вещей, а германскій идеализмъ, особенно въ апогее своего развитія, даже не признавалъ этой сущности; находя въ ней только слово безъ мысли, онъ пытался и въ философіи, и въ психологіи провести ту мысль, что идея и явленіе, душа и тѣло, механическій и телеологическій порядокъ такъ переплетены между собою, что составляютъ одинъ цѣльный міръ, одну цѣльную жизнь, вполне доступную нашему знанію. Ниже мы еще коснемся германской философіи и психологіи XIX вѣка, какъ въ предѣлахъ идеализма, такъ и послѣ него. Тамъ же мы рассмотримъ и сужденія автора о направленіяхъ германской психологіи XIX вѣка; теперь мы должны только присовокупить,

что въ то время, какъ Вольфъ поддерживалъ въ Германіи XVIII вѣка прежнее направленіе философіи и психологіи, весьма близкое по духу къ декартовскому, во Франціи, подъ вліяніемъ Локкова опыта о разумѣ, водворился сенсуализмъ. Провозвѣстникомъ его былъ Кондильякъ. Отличительный характеръ этого сенсуализма состоялъ въ томъ, что онъ занимался не опредѣленіемъ отдѣльнаго отъ тѣла существа души, съ ея способностями и прирожденными идеями, но описаніемъ — какъ изъ одного ощущенія постепенно развиваются всѣ такъ называемыя способности ея и вся многосложная ткань дѣятельности теоретической и практической. Въ скоромъ времени, и почти рядомъ съ сенсуализмомъ, водворился во Франціи матеріализмъ не отличавшійся впрочемъ научнымъ характеромъ; но въ свою очередь, подъ конецъ XVIII вѣка и особенно въ XIX вѣкѣ, уступилъ мѣсто идеализму, также не имѣвшему особеннаго значенія. Считаемъ достаточнымъ этотъ краткій обзоръ для того, чтобы можно было судить соответствуетъ ли второй отдѣлъ труда автора сколько-нибудь своей задачѣ — изображенію психологической методы во Франціи и въ Германіи, въ XVII, XVIII и XIX вѣкѣ. Разборъ этого отдѣла пособитъ намъ выразумѣть потомъ, — насколько авторъ понялъ самый смыслъ направленій германской психологіи XIX вѣка, которыхъ онъ касается въ дальнѣйшихъ отдѣлахъ.

И во первыхъ, правильно ли авторъ начинаетъ, хотя бы даже и мнимое, изображеніе психологической методы во Франціи съ Кондильяка, то есть, съ половины XVIII вѣка? Каковы бы ни были причины этого исходнаго историческаго начала, всѣ онѣ окажутся несостоятельными; потому что цѣлымъ столѣтіемъ раньше уже произошло, и именно изъ Франціи, новое направленіе психологіи. Разумѣемъ то направленіе, которому начало положено было Декартомъ. Самъ же авторъ упоминаетъ объ немъ; только безъ всякой нужды помѣщаетъ его слишкомъ

поздно и притомъ, подъ рубрикою Германіи, рядомъ съ Вольфомъ. Быть можетъ, авторъ не зналъ, гдѣ и какъ упомянуть о Декартѣ, и сознавая у него сходство съ Вольфомъ по направленію психологическихъ идей, помѣстилъ ихъ рядомъ, поставивши такимъ образомъ вмѣстѣ XVII-й вѣкъ Франціи и XVIII-й вѣкъ Германіи. Но это сближеніе неправильно, и только мѣшаетъ потомъ точному пониманію историческаго развитія психологіи и психологической методы. Декартомъ начато во Франціи еще въ XVII вѣкѣ новое направленіе философіи и психологіи; съ него и слѣдовало начать обзоръ различныхъ направленій психологической методы. И это было тѣмъ необходимѣе, что декартовское направленіе было сначала общее, какъ для Франціи, такъ и для Германіи. Только въ послѣдствіи, чѣмъ дальше отходитъ исторія отъ среднихъ вѣковъ и начинаютъ совершенствоваться народныя языки вмѣсто латинскаго, начинается развиваться и рѣшительное различіе между ними въ направленіи философіи и психологіи. Отъ этого пропуска характеристика духа и методы психологическихъ изслѣдованій на материкѣ Европы въ XVII и XVIII вѣкѣ уже исчезла: но если бы объяснены были сперва декартовскія психологическія начала, тогда рельефно обозначилась бы и та реакція, которую, съ одной стороны, задумалъ Лейбницъ въ Германіи еще въ концѣ XVII вѣка, съ другой— Кондильякъ во Франціи въ XVIII вѣкѣ.

Такую же неправильность авторъ допустилъ, заговоривши сперва о Лейбницѣ, а потомъ, о Декартѣ, и оттого, снова затруднилъ правильное пониманіе идей Лейбница, имѣющихъ существенное отношеніе къ психологіи; потому что новое понятіе Лейбница о душѣ и отношеніи души и тѣла могло бы явственно обозначиться только какъ реакція Декарту и Спинозѣ; тутъ-же было бы понятно, почему Лейбницъ самую методу оставилъ въ прежнемъ положеніи. Правда, авторъ упоминаетъ о Декартѣ въ самомъ началѣ отдѣла (стр. 103, 104), но только мимоходомъ, ни-

сколько не опредѣляя духа его психологій и психологической методы и не ставя его, какъ первое звено дальнѣйшаго развитія. Точно также и о другихъ замѣчательныхъ дѣятеляхъ, о которыхъ, упоминается въ оглавленіи, авторъ говоритъ только мимоходомъ и нигдѣ ни одинъ изъ нихъ не разсмотрѣнъ со стороны своихъ главныхъ характеристическихъ свойствъ.

Далѣе, на какомъ основаніи авторъ, задумавши изобразить психологическую методу во Франціи и въ Германіи въ новыя времена, останавливается только на Бенеке, и пропускаетъ значительное количество другихъ не менѣе, а можетъ быть и гораздо болѣе замѣчательныхъ психологовъ? Какимъ образомъ, предпринявши заняться разборомъ психологическихъ методъ, авторъ говоритъ не о методахъ, а о разныхъ вещахъ, не совсѣмъ идущихъ къ дѣлу—о двухъ энциклопедіяхъ науки, объ изслѣдованіи «сущностей», о теоріи духовныхъ способностей, когда все это могло бы быть упомянуто, только какъ результатъ, какъ плодъ этой методы, и при томъ тамъ, гдѣ авторъ начнетъ рассуждать о психологическомъ анализѣ и о главныхъ направленіяхъ психологій—въ послѣднемъ отдѣлѣ? Но быть можетъ это только роскошь, которая нисколько не помѣшала и основательному изслѣдованію главнаго, а именно, вопроса о психологической методѣ въ XVII, XVIII и XIX вѣкѣ? Можно было бы признать эти уклоненія неважными, если бы авторъ не выпускалъ изъ виду и главнаго; но въ томъ то и дѣло, что онъ рассказываетъ только о внѣшнихъ судьбахъ разныхъ ученій, касаясь только слегка чего нибудь, только издалека подходящаго къ методѣ, и не представляетъ собственно разбора психологическихъ методъ, такъ что весь этотъ отдѣлъ едва ли имѣетъ характеръ научнаго изслѣдованія; скорѣе онъ похожъ на фельетонную статью, наполненную совершенно излишними шутками и остротами. А между тѣмъ, основательный разборъ психологическихъ методъ, преобладавшихъ долгое время во Франціи и въ Германіи въ

XVII, XVIII и XIX вѣкѣ, необходимъ; потому что онъ въ неразрывной связи съ характеромъ психологическаго анализа главныхъ направленій психологіи въ Германіи, о чемъ дальше говорится, и у автора. Въ числѣ психологическихъ методовъ преимущественнаго вниманія заслуживали бы по крайней мѣрѣ тѣ, которыя больше возбуждали вниманія. Сюда относится, во первыхъ аналитическая, отличающаяся больше описательнымъ характеромъ, метода Кондильяка; далѣе, требовала точнаго разбора та синтетическая метода, которая господствовала у послѣдователей Декарта и Вольфа и потомъ, можно сказать, значительно удержалась и въ кантовской школѣ. За разсудочною методою еще большаго вниманія заслуживала метода умозрительная, со всѣми ея видоизмѣненіями, и особенно въ томъ законченномъ видѣ, который пытался сообщить ей Гегель. Послѣ разбора методы вольфіанской или разсудочной и умозрительной, удобнѣе было бы объяснить и тѣ методы, которыя появились въ Германіи послѣ методы умозрительной и отличаются неопредѣленнымъ, смѣшаннымъ характеромъ. Преимущественно требовали бы самаго отчетливаго разбора разсудочная метода школы декартовской и вольфіанской и умозрительная—господствовавшая въ Германіи въ первыя три десятилѣтія девятнадцатаго вѣка. Обѣ онѣ по видимому очень сходны; потому что обѣ отличаются характеромъ отвлеченнымъ, апіорнымъ; даже синтезъ по видимому такъ-же преобладаетъ въ умозрительной, какъ и въ разсудочной; и однако же, не смотря на это поверхностное сходство, между ними есть почти діаметральная противоположность, и пока не выяснено ихъ различіе, до тѣхъ поръ неизбежны ошибки въ понятіяхъ какъ о психологическомъ анализѣ, такъ и о направленіи германской психологіи XIX вѣка. У автора же всѣ германскіе мыслители и психологи перемѣшаны; всѣмъ имъ приписано ученіе о какихъ-то сущностяхъ, эссенціяхъ и такъ дал. (121...). Отличительная черта отвлеченной разсудочной методы та, что

въ основаніе она ставитъ общія понятія или опредѣленія о предметѣ разсужденія, и потомъ, соединяетъ съ ними, или подводитъ къ нимъ всѣ частныя свойства его и составныя стороны. Въ психологіи она ставитъ общія понятія о душѣ и тѣлѣ, какъ объ отдѣльныхъ субстанціяхъ, добытыя путемъ отвлеченія отъ тѣхъ проявленій, которыми онѣ обнаруживаются, или путемъ отрицанія ихъ (говоря напримѣръ, что душа есть нѣчто не многое, а единое, простое), и за тѣмъ, снова присоединяетъ къ нимъ тѣ ихъ свойства, на которыя указываетъ наблюденіе и анализъ. Но это сочетаніе синтеза и анализа только внѣшнее; потому что вовсе не видно, откуда происходитъ необходимая связь между ними, не видно—правитъ ли синтезъ анализомъ, или анализъ синтезомъ, или оба вмѣстѣ правятся какимъ нибудь высшимъ закономъ мысли, не видно также, въ какомъ отношеніи находится метода къ содержанію и задачѣ психологіи. Такое же внѣшнее отношеніе вводитъ эта метода между субстанціями души и тѣла и ихъ свойствами. Умозрительная психологическая метода тѣмъ существенно отличается отъ разсудочной, что, во первыхъ, усиливается соединить въ себѣ внутренне синтезъ и анализъ, и изъ соединенія ихъ—составить одну высшую методу, во вторыхъ что она приводитъ въ неразрывную связь методу и содержаніе. Сущность ея состоитъ не въ опредѣленіяхъ, но въ идеѣ развитія, правящей сочетаніемъ синтеза и анализа. Въ психологіи она руководствуется не общими понятіями субстанціи духовной и тѣлесной, но идеєю дѣятельности, обнаруживающейся въ жизни духа; и какъ этой дѣятельности свойственны синтезъ и анализъ вмѣстѣ, т. е., духъ самъ и даетъ себѣ свои частныя обнаруженія и связуетъ ихъ въ своемъ внутреннемъ единствѣ, то тѣлесная субстанція, въ силу этой методы, теряетъ свой субстанціальныи характеръ и превращается только въ явленіе того же духа, равно и способности души составляютъ только результатъ его собственнаго внутренняго анализа, который непре-

рывно поемлется и поглощается его же внутреннимъ синтезомъ. Понятно, что между обѣими методами есть огромное различіе требовавшее основательнаго изслѣдованія. Какъ разсудочная метода, послѣ Декарта, особенно со стороны своей формы, достигла крайняго проявленія въ математической или геометрической методѣ Спинозы, такъ и умозрительная — достигла выработанной формы въ діалектической методѣ Гегеля; а потому, при разборѣ умозрительной психологической методы необходимо было рассмотреть сперва и ту довольно неопредѣленную форму, которую она имѣла въ школѣ Шеллинга (у Шуберта, Эшенмайера, въ генетической методѣ Каруса и т. д.), отдѣльно отъ той законченной и выработанной формы, которую сообщилъ ей Гегель, признавши противоположеніе и воссоединеніе закономъ всякаго развитія. Тамъ, въ школѣ Шеллинга, сочетаніе синтеза и анализа не имѣло еще закона и руководствовалось больше субъективными условіями вдохновенія, умственного созерцанія и даже просто даровитости; здѣсь, въ діалектической методѣ, оно получило своего рода законъ. Какого рода этотъ законъ, входитъ ли его начало въ предѣлы нашего сознанія — это другой вопросъ; но и безъ рѣшенія его, подробный разборъ этого сочетанія синтеза и анализа въ умозрительной, и частіе въ діалектической методѣ тотчасъ показалъ бы значительное несходство ихъ съ разсудочною. Но что еще важнѣе, этотъ разборъ показалъ бы, что умозрительная и особенно діалектическая метода психологическая въ результатѣ своемъ ближе къ сенсуалистической Кондильяка, нежели къ разсудочной, что она только поглощаетъ въ себѣ сенсуалистическую. Точнымъ научнымъ разборомъ ихъ облегчилось бы и правильное понятіе о позднѣйшихъ, смѣшенныхъ методахъ германской психологій, изъ которыхъ нѣкоторыя, какъ наприм., Фихте мл., не уграчивая вполне своего умозрительнаго характера, еще ближе подходятъ къ методѣ сенсуалистической, а

другія, какъ на примѣръ Бенеке, оставаясь на почвѣ сенсуалистической, индуктивной, не отказываются вполне и отъ стихій апріорныхъ. Отъ попытки Гегеля—соединить въ своей методѣ синтезъ и анализъ измѣнилось потомъ и понятіе о такъ называемой апріорности. У Канта ею выражается независимость отъ внѣшнихъ впечатлѣній тѣхъ формъ или какъ-бы угловъ зрѣнія (количества, субстанціи и т. д.), по которымъ мы разсматриваемъ всѣ предметы наблюденія; у позднѣйшихъ же психологовъ (на примѣръ, у тогоже Фихте мл., Ульрици) апріорность означаетъ то, что формамъ высшей дѣятельности разума и воли предшествуетъ нѣчто аналогическое въ тѣхъ формахъ нашей низшей или чувственной жизни, которыя существуютъ въ ней еще до появленія (a priori) дѣятельности сознательной. Мы обращаемъ вниманіе на эти частности потому, что изслѣдованіе ихъ существенно необходимо, если желаемъ, чтобы историко-критическое изслѣдованіе о методахъ имѣло предметный, научный характеръ. Наконецъ, только послѣ строгаго научнаго изслѣдованія въ психологическихъ методахъ объяснилось бы,—можетъ ли психологія быть естественною наукою въ томъ же смыслѣ, какъ физика, и на оборотъ, потеряетъ ли она отъ того характеръ естественной науки, что не станетъ ограничиваться наблюденіемъ одного преемства явленій нашей психической жизни. Но сравнительная оцѣнка предъидущихъ психологическихъ методовъ индуктивную невозможна безъ опредѣленнаго понятія о задачѣ психологіи, а задача психологіи—въ связи съ теоріею познанія и съ понятіемъ о человѣкѣ, какъ существѣ, не только физическомъ, но и нравственномъ. Но почтенный авторъ не сдѣлалъ сравненія психологическихъ методовъ и даже не коснулся вопроса объ отношеніи между методою и содержаніемъ психологіи. На послѣднихъ страницахъ этого отдѣла говорится въ разныхъ варіаціяхъ только о томъ, что у Канта, Фризе, Бенеке не было индуктивной методы; упоминается въ двухъ, трехъ шуточныхъ

психологическихъ. Примѣръ, примѣненія математической методы можно вѣдѣть

фразахъ о Фехнерѣ, Фортляге и на томъ оканчивается ученый трактатъ подъ заглавіемъ «психологическая метода во Франціи и въ Германіи»

Но въ какой степени по крайней мѣрѣ то, что авторъ высказалъ о каждомъ изъ замѣчательнѣйшихъ дѣятелей въ области психологіи, относится къ нимъ и выражаетъ существенную, отличительную черту ихъ? Иногда и бѣглое поверхностное изложеніе какой-нибудь системы, даже не сообщающее объ ней основательнаго понятія, по крайней мѣрѣ не отходить отъ нея слишкомъ далеко и какъ—нибудь передаетъ ее въ простой, популярной формѣ. Къ сожалѣнію, у автора, кромѣ крайней бѣглости въ сужденіи о предметахъ, даже не имѣющихъ прямого отношенія къ вопросу, часто встрѣчаются понятія самыя ошибочныя и совершенно искажающія дѣйствительный смыслъ ученій, которыхъ онъ касается. Укажемъ только на главнѣйшія, и начнемъ прямо со словъ автора о Лейбницѣ, а потомъ, перейдемъ и къ другимъ замѣчательнѣйшимъ мыслителямъ и психологамъ.

О Лейбницѣ авторъ говоритъ на стран. 112, 113, 114 и 121-ой; но на первыхъ трехъ страницахъ онъ только разсказываетъ о столкновеніи Лейбница съ Ньютономъ и съ философіею Локка и слегка упоминаетъ о нѣкоторыхъ частныхъ особенностяхъ ученія Лейбница, хотя изъ нихъ нисколько не видно ни отличительнаго духа лейбницевой философіи, ни его методы. Въ четырехъ словахъ (стр. 112) высказано, что Лейбницъ преобразовалъ по своему систему Декарта; но какъ ни важно было разъяснить,—въ чемъ именно состояло это преобразование, ибо это обрисовало бы тотчасъ духъ лейбницевой философіи, авторъ оставляетъ этотъ вопросъ въ сторонѣ. На страницѣ 113-ой авторъ говоритъ, что Лейбницъ, вопреки Локку, отстаивалъ врожденность идей, или точнѣе, врожденность разсудка (*praeter intellectum*); но опять и это—только частная черта

философіи Лейбница, которая нисколько не разграничивает ее съ философіею Декарта. На стран. 121-ой авторъ, въ трехъ строкахъ, касается повидимому самаго духа Лейбницевоу философіи: онъ говоритъ, что «Лейбницъ и Вольфъ съ этими монадами и предуставленною гармоніею чаяли раскрыть челоуѣчеству истинную сущность и неизблемое основаніе міра». И въ этихъ словахъ также никакой нѣтъ характеристики Лейбница; но въ нихъ выразилось уже прямое искаженіе дѣла. Авторъ думаетъ, что Вольфъ вмѣстѣ съ Лейбницемъ принималъ теорію *монадъ и предуставленную гармонію*; но это напрасно; потому что отличительная черта философіи Вольфа отъ лейбницевоу и состоитъ въ томъ, что онъ не пріянялъ его монадологіи; даже взглядъ Лейбница на предуставленную гармонію понятъ у Вольфа довольно поверхностно. Смѣшеніе одного съ другимъ показываетъ, что авторъ не выяснилъ себѣ, въ чемъ именно состоитъ существенное различіе между ними; а это различіе довольно важно; потому что проливаетъ свѣтъ на духъ не только филсссофіи, но и вообще образованія въ XVIII и XIX вѣкѣ. Важно оно и для уразумѣнія тѣхъ типическихъ особенностей, которыми отдѣлились психологическія идеи XIX вѣка отъ тѣхъ же идей въ вѣкѣ XVIII-мъ. Существенный характеръ Лейбницевоу философіи состоитъ не въ томъ, что онъ хотѣлъ открыть *истинную сущность и неизблемое основаніе міра*; —подобныя фразы не имѣютъ ни какого содержанія, и могутъ имѣть мѣсто развѣ только для наполненія чѣмъ нибудь страницъ. У Лейбница, какъ мы уже отчасти сказали выше, отличительныя черты не только отъ Вольфа, но и отъ Декарта, и вообще отъ духа философіи XVII и XVIII вѣка, состоитъ въ той, если можно такъ сказать, формулѣ, въ которой онъ желалъ представить идею духа и его отношеніе къ веществу, къ тѣлу. Душа и тѣло у Лейбница, —это не двѣ отдѣльныя субстанціи, а какъ-бы два полюса жизни, изъ коихъ одному свойственно ясное

представленіе и дѣятельный характеръ, а другому—представленіе темное и безотчетное, или пассивное состояніе, соотвѣтствующее вещественной сторонѣ ея. Всѣ монады различаются между собою по степени преобладанія того или другаго изъ этихъ двухъ полюсовъ ихъ состава. Подобный же смыслъ имѣла у Лейбница и предустановленная гармонія между цѣлесообразнымъ и механическимъ порядкомъ вещей. Вольфъ, отказавшись отъ монадологіи Лейбница, отсталъ и отъ самой характеристической черты его философіи, и снова остановился на прежнемъ декартовскомъ или даже вульгарномъ понятіи объ отношеніи души и тѣла. Пониманіе различія между ними, какъ мы уже сказали, очень важно; въ немъ—ключъ къ уразумѣнію важнаго различія между двумя эпохами образованія, которыя у автора совершенно не поняты. Нужно только присовокупить, что Лейбницъ далеко не вполне созналъ начала своей монадологіи и не сдѣлалъ изъ нихъ почти никакихъ примѣненій, хотя они въ зародышѣ тамъ уже заключались.

У Лейбница не одни ясныя понятія и представленія составляютъ область духа; жизнь его простирается и за предѣлы сознательности; у Вольфа духъ только тамъ, гдѣ есть ясныя представленія. Отсюда, отъ этого различія, начало вырабатываться иное, въ сравненіи съ прежнимъ, понятіе о различіи между концепціею художественною и логическою, о чемъ не имѣли еще понятія ни Вольфъ, ни Баумгартенъ. По смыслу Лейбницевои монадологіи, искусство есть сочетаніе помысла или самаго содержанія внутренней жизни съ неясною въ логическомъ смыслѣ формою; у Вольфа—это такое сочетаніе формъ, которое мы внѣшно привносимъ къ матеріалу, подъ вліяніемъ идеи совершенства и логическаго соображенія.

По смыслу лейбницевои философіи, способности души нужно признать не безсвязными, другъ-подлѣ-друга находящимися свойствами, но степенями ея напряженія или развитія; у Вольфа—

его прямо способности, неизвѣстно какъ связанныя съ просто-
тою и несложностію души.

У Лейбница—цѣлесообразность міра внутренно ему присуща и поглощаетъ въ себѣ и механическій его порядокъ; у Вольфа—эта цѣлесообразность получаетъ характеръ чего-то внѣшняго, привносимаго только формами нашего разсудка.

У Лейбница—веществу свойственно не одно протяженіе, и міръ физическій не разобщенъ съ нравственнымъ, но представляетъ въ себѣ послѣдовательныя ступени жизни, наблюдаемая естественною исторіею; у Вольфа физическій міръ, почти также, какъ и у Декарта, составляетъ нѣчто совершенно отдѣльное отъ нравственного и противоположенъ ему.

По духу лейбницевоѣ философіи, формы нравственной жизни и права составляютъ столько же достояніе духа, сколько и результатъ естественнаго развитія человѣка или его исторіи; по Вольфу—это правила, привносимыя нашимъ разсудкомъ къ матеріалу, данному борьбою людскихъ страстей и эгоизма.

Такъ можно понимать духъ лейбницевоѣ философіи, высказанный имъ въ монадологіи, въ отличіе отъ философіи картезианской. Но, какъ мы сказали, хотя эти начала требовали уже существеннаго преобразованія не только психологіи, но и теоріи познанія и методы, однако Лейбницъ оставилъ ихъ въ прежнемъ положеніи, и дѣло методы существенно не подвинулось впередъ въ сравненіи съ тѣмъ состояніемъ, въ какомъ оно было и при Декартѣ. Вся методологія ограничивалась только формальными логическими правилами, основанными на началахъ тождества, противорѣчія и т. д., которыя разсудокъ отъ себя привноситъ къ матеріалу, сообщаемому внѣшнею и внутреннею жизнью; но даже и вопроса не было о методѣ, нужной для уразумѣнія того, что свойственно самимъ явленіямъ. Какъ бы мы ни ограничивали выводъ всѣхъ частныхъ свойствъ философіи Лейбница и Вольфа, существенное различіе между ними въ основномъ для

психологіи вопросъ—непреложно; авторъ же и не сказалъ о нихъ ничего идущаго къ дѣлу, и кромѣ того, высказалъ понятія самыя ошибочныя.

Что же говоритъ авторъ о Кантѣ и о другихъ, слѣдовавшихъ за нимъ представителяхъ философіи, имѣвшихъ вліяніе и на психологическія идеи? »У Канта, говоритъ авторъ (стр. 117), привилегированный классъ идей, господствующій въ духѣ чловѣка, раньше всякаго ощущенія, получилъ привилегированную роль въ дѣлахъ опыта и наблюденія, и средневѣковыя претензіи силлогизма, какъ независимой отъ индукціи методы философствованія, были такимъ образомъ спасены.« Что хотѣлъ почтенный авторъ сказать этимъ наборомъ словъ, мы рѣшительно не знаемъ; въ нихъ замѣтно только какое-то туманное понятіе о духѣ кантовской философіи по отношенію къ психологической методѣ и къ дальнѣйшему движенію философіи и психологіи. У Канта нѣтъ именно того, что приписываетъ ему авторъ; можно даже сказать, что отличительная черта критической философіи состоитъ именно въ отрицаніи того, что полагаетъ въ ней авторъ. И во первыхъ, Кантъ не говоритъ о врожденныхъ и предсуществующихъ ощущенію идеяхъ; мысль у него только та, что опытъ былъ бы невозможенъ, еслибы въ нашемъ духѣ не было апріорныхъ формъ; а формы и категоріи не одно и тоже съ идеями. Далѣе, Кантъ не только не отстаивалъ силлогизаціи, но напротивъ подорвалъ ея значеніе, и притомъ, по поводу тѣхъ самыхъ идей, которыя схоластика отстаивала силлогизмами. То и другое до очевидности ясно изъ тѣхъ мѣстъ его критики чистаго разума (въ діалектикѣ), гдѣ онъ въ примѣрахъ показываетъ несостоятельность силлогизма въ примѣненіи къ этимъ идеямъ; а въ первомъ изданіи тойже критики онъ высказывается противъ силлогистической формы доказыванія метафизическихъ истинъ еще иначе, находя имъ опору не въ силлогизмѣ, а въ непосредственномъ убѣжденіи, что и было

причиною происхожденія школы такъ называемаго *непосред-
ственного убѣжденія* (Якоби). Тоже самое только съ другой
стороны, видно и изъ кантовой критики практическаго разума;
потому что на чемъ онъ утверждаетъ въ этой критикѣ мета-
физическія идеи, отвергнувши ихъ силлогистическую опору?
На непосредственномъ нравственномъ убѣжденіи, свойственномъ
человѣческой природѣ, а это почти тоже самое, что у нѣко-
торыхъ англійскихъ мыслителей нравственный инстинктъ или
практика. Разница только въ томъ между Кантомъ и выста-
вляющими практику, какъ опору высшихъ идей и особенно
идеи Бога, что у этихъ послѣднихъ какъ практика, такъ и самая
идея Бога, получаютъ значеніе только условное, зависящее отъ
обстоятельствъ жизни, а у Канта идея Бога опирается въ насъ
на сознаніи неизмѣннаго нравственнаго долга. Если Кантъ и
употребилъ гдѣ-нибудь силлогистическую форму для какихъ-
нибудь своихъ выводовъ, то это нисколько не мѣшаетъ пра-
вильному пониманію духа критической философіи. Быть можетъ,
Кантъ не поставилъ никакой другой психологической методы,
вмѣсто прежней силлогистической; но чтобы онъ отстаивалъ
силлогистическое доказываніе метафизическихъ идей—это болѣе
нежели сомнительно. Наконецъ, крайне странно, что авторъ при-
писываетъ Канту занятіе какими-то сущностями и увѣряетъ,
что онъ *пустилъ ихъ въ ходъ* (стр. 121, 122). Знающій
критическую философію Канта ни въ какомъ случаѣ не позволилъ
бы себѣ представлять ее въ такомъ видѣ. Кантъ прямо гово-
ритъ, что сущности вещей мы не знаемъ, а можемъ знать только
явленія, къ которымъ приспособлены въ насъ и познавательныя
формы. Чтобы какъ-нибудь поддержать свой неточный и по-
верхностный взглядъ на критическую философію, авторъ увѣ-
ряетъ, что вышеупомянутыя формы (познавательныхъ способностей)
и категоріи ¹⁾ означаютъ у Канта не иное что, какъ сущности

¹⁾ Примѣч. Подъ формами Кантъ разумѣетъ собственно формы *простран-*

или полусущности; это будто бы сущности не вещей, но явленій, нѣчто среднее между первою сущностію или сущностію въ собственномъ смыслѣ и явленіями. Но если мы такъ станемъ толковать основныя положенія критической философіи, не давая себѣ предварительно строгаго отчета, что должно понимать подъ сущностію и явленіями, то отъ насъ всегда будетъ закрытъ прямой смыслъ ихъ, и невозможно будетъ правильное рѣшеніе вопроса ни о вліяніи критической философіи на психологію, ни объ отношеніи англійской философіи, и въ частности психологій, къ философіи и психологій германской. Правильно, или неправильно, Кантъ хотѣлъ своими формами и категоріями выразить только ту мысль, что все наше познаніе, хотя бы оно ограничивалось только явленіями и не касалось самаго существа вещей, не можетъ состоять только изъ перцепцій ощущенія, но требуетъ еще этихъ формъ или какъ-бы угловъ зрѣнія, свойственныхъ тому внутреннему въ насъ началу (у Милля реципенту), которое воспринимаетъ перцепціи ощущенія. Какъ независимыя отъ ощущенія и не сообщаемыя имъ, онъ называетъ ихъ *априорными*, —именемъ, не тождественнымъ съ понятіемъ врожденности. Тутъ вѣтъ ничего похожаго ни на сущности, ни на полусущности, а просто, Кантъ хотѣлъ только сказать, въ опроверженіе Юма, что даже и это доступное намъ познаніе явленій нельзя признать дѣломъ одного навыка (*custom or habit*), какъ думалъ Юмъ, но имѣетъ характеръ законосообразной необходимости, и при томъ, необходимости не такой, какую мы находимъ въ ассоціаціи представленій, или въ сдѣленіи частицъ вещества, но кроющейся въ самомъ предрасположеніи къ этимъ формамъ субъекта рефлектирующаго, воззрѣвающаго на перцепціи ощущенія. Когда, напримѣръ, Локкъ описываетъ, какъ рефлексія,

ства и времени, которыя онъ называетъ чувственными, а подъ категоріями тѣ формы или какъ-бы углы зрѣнія, которыя свойственны разсудку. Сюда относятся—категоріи качества, количества, субстанціи и модальностей и т. д.

подъ вліяніемъ впечатлѣній, сообщаемыхъ ощущеніемъ, постепенно образуетъ идеи субстанціи, причины и такъ далѣе, то что выражается въ этихъ идеяхъ, которыхъ не даетъ ощущеніе? Именно структура свойственная рефлексіи и превышающая одну ассоціацію идей, одно ихъ послѣдованіе во времени. Назовите эту структуру формами, или какъ угодно, или даже не признавайте ее; но дѣло въ томъ, что если эти идеи образуются въ насъ, то нужное для образованія ихъ сдѣяніе психическихъ явленій далеко несходно съ простымъ преемствомъ ихъ во времени. Если Кантъ не удачно назвалъ это предрасположеніе формами, то отъ этого самое дѣло нисколько не измѣняется: говоря о формахъ и категоріяхъ, Кантъ нисколько не разумѣлъ подъ ними сущностей, и будемъ ли мы признавать это предрасположеніе наше къ формамъ и категоріямъ, или нѣтъ, значеніе индуктивной методы отъ того нисколько не пострадаетъ. Не входимъ здѣсь въ разборъ вопроса нѣсколько сторонняго, точно ли можно возставать противъ тѣхъ, кто не признаетъ возможности—объяснить происхожденіе познанія на основаніи однихъ перцепцій ощущенія, хотя и въ этомъ вопросѣ самыя точныя изслѣдованія фізіологическія не могутъ найти основанія ни въ зрительныхъ нервахъ, ни въ движеніи мускуловъ даже происхожденію идеи пространства или тому, что душа относитъ ощущенія въ зрительныхъ нервахъ къ вѣншему міру, тогда какъ звуковыя ощущенія никогда не перелагаетъ изъ ихъ интенсивнаго сложенія въ экстенсивное или пространственное сопоставленіе (см. Loze, Medicinische Psychol. s. 377). Что Кантъ былъ далекъ отъ средневѣковой силлогизаціи т. е. отъ постройки метафизики (въ томъ смыслѣ, какъ она существовала въ его время и до него) и отъ благоговѣнія къ силлогизаціи, какъ ея опорѣ, это видно, если угодно, даже изъ его критики способности сужденія. Въ ней какъ бы подтверждается на дѣлѣ тоже самое, что было высказано имъ отрицательно въ критикѣ чистаго разума, то есть, что сверх-

чувственные идеи не могутъ быть предметомъ научнаго знанія, что по этому онѣ не могутъ имѣть въ ней составительнаго значенія, но могутъ удержатъ значеніе только направлятельное— для жизни. Если и у Канта есть нѣчто въ родѣ метафизики природы и метафизики нравовъ, то знающему критическую философію очень хорошо извѣстно, что сходство его метафизики съ прежнею только въ названіи, но отнюдь не въ содержаніи. И это-то сходство названія можетъ вводить иногда въ ошибочныя заключенія о критической философіи Канта. Послѣ того, можно уже судить, имѣютъ ли какое-нибудь значеніе слѣдующія слова (стр. 117) автора: »А этого уже было достаточно, чтобы съ помощію такого рычага, снова повернуть вверхъ дномъ всю область знаній и вычурностію мечтательныхъ полетовъ въ область сущностей превзойти самую схоластику?« У Канта авторъ напелъ »мечтательные полеты въ области сущностей и даже нѣчто болѣе самой схоластики.« Удивительная способность видѣть то, чего нѣтъ. И такихъ общихъ выраженій почти о каждомъ философскомъ и психологическомъ ученіи встрѣчается въ разсматриваемомъ нами сочиненіи весьма много, какъ будто вся забота писавшаго направлена не къ тому, чтобы какъ можно точнѣе выразумѣть и первый непосредственный смыслъ системы и потомъ дальнѣйшій результатъ ея въ примѣненіи къ психологіи, но какъ бы поэффективнѣ разыграть роль побѣдителя какихъ-то сущностей, силлогизаціи и тому подоб. Такимъ же повтореніемъ однихъ и тѣхъ же общихъ мѣстъ наполнены у автора тѣ страницы, въ которыхъ онъ изображаетъ, по видимому, направленіе и методу германскаго идеализма въ системахъ Фихте, Шеллинга и Гегеля (117, 122...). Что умозрѣнія ихъ подвержены большимъ недостаткамъ, это въ настоящее время извѣстно каждому, сколько-нибудь знакомому съ исторіею философіи; но изъ того еще не слѣдуетъ, что во всемъ, что бы мы ни наговорили объ этихъ системахъ и ихъ недостаткахъ,

будетъ выражено дѣло. Автору слѣдовало бы въ не-многихъ словахъ такъ передать самыя существенныя стороны этихъ системъ, что бы изъ его изображенія видна была и отличительная черта каждой изъ нихъ, и потомъ, то особенное направленіе, которое каждая изъ нихъ представляла для психологіи и преимущественно для психологической методы. Но авторъ опять довольствуется такимъ поверхностнымъ фельетоннымъ изображеніемъ этихъ системъ, что совсѣмъ теряетъ изъ виду главную задачу и даже не упоминаетъ, что именно возникло изъ нихъ особеннаго для психологической методы: все ограничивается одними и тѣми же выраженіями—силлогизація, буддизмъ, мистика, мистическая горячка и т. д., и т. д. Трудно даже рѣшить, для чего авторъ предпринялъ въ этомъ отдѣлѣ говорить о психологической методѣ во Франціи и Германіи (отъ Декарта до XIX в. включительно), когда въ немъ разбора этой методы нѣтъ, а говорится только слегка о Лейбницѣ, Кантѣ, Фихтѣ, Шеллингѣ, Гегелѣ и т. д., и когда объ отношеніи ихъ философіи къ психологіи, со стороны содержанія и направленія, будетъ рѣчь ниже—во второй части сочиненія. Не входя еще въ разборъ, какъ понимаетъ почтенный авторъ вліяніе этихъ системъ на психологію, остановимся на время, на той страницѣ, гдѣ объясняется, какъ вышло Фихтово умозрѣніе изъ критической философіи Канта (122). По увѣренію автора, умозрѣніе Фихте и его школы произошло отъ того, что «въ кантовой сущности явленій отыскиали почти все, чего только могло пожелать ихъ сердце; и кантову сущность вещей, или вещи сами по себѣ, *отчасти* отбросили, какъ лишній балластъ, мѣщающій свободнымъ полетамъ въ безвоздушныхъ пространствахъ.» Спрашивается теперь: объясняется ли, хотя сколько-нибудь, этими на удачу взятыми словами генесисъ Фихтова идеализма и тотъ внутренній его типъ, который вышелъ изъ критической философіи Канта? Не ужели въ серъёзномъ сочиненіи можно объяснять происхожденіе этого идеализма

тѣмъ, что Фихте понравилась Кантова сущность явленій? И опять, что значить—кантову сущность вещей *отчасти* отбросили? Какую же часть они отбросили и какую удержали? Какой вышелъ оттого отличительный характеръ идеализма Фихте и какія послѣдствія для психологій? На эти необходимѣйшіе вопросы у автора нѣтъ никакого отвѣта. И вотъ образчикъ того способа, какъ почтенный авторъ обыкновенно относится и къ другимъ философскимъ системамъ. Гораздо лучше было бы забыть хотя на время товъ фельетонной пародіи и сказать просто, что Фихте хотѣлъ уничтожить остатки дуализма, бывшія у Канта и показать, какъ изъ самой натуры и развитія самосознанія, свойственнаго нашему Я, возникаютъ, съ одной стороны, тѣ формы и категоріи, которыя у Канта имѣли еще како^е-то непонятное происхожденіе и оставались чѣмъ-то потустороннимъ, а съ другой — содержаніе ихъ. Тогда читатель могъ бы понять и органическую связь Фихте съ Кантомъ и цѣль идеализма не только у Фихте, но и у дальнѣйшихъ представителей его, а эта цѣль заключалась въ томъ, чтобы доказать, что никакой сущности, какъ чего-то по-ту-сторонняго и нѣтъ, что въ познавательной дѣятельности намъ предстаетъ вся дѣйствительность. Оставалось бы только рѣшить, правильна ли была эта цѣль и правиленъ ли былъ способъ, избранный Фихте и потомъ удержанный другими германскими идеалистами, для достиженія цѣли.

III.

Перейдемъ теперь къ общему взгляду на характеръ германской философіи и психологій, въ сравненіи съ прежними направленіями той и другой въ XVII и XVIII вѣкѣхъ и къ общей оцѣнкѣ главныхъ психологическихъ направленій въ Германіи въ XIX вѣкѣ. Объ общемъ характерѣ германской философіи и

психології XIX вѣка почтенный авторъ высказываетъ свои мысли въ тѣхъ мѣстахъ своего сочиненія, гдѣ дѣло идетъ о психологической методѣ (стр. 102—129) о психологическомъ анализѣ (268—300) и о главныхъ направленіяхъ психології въ Германіи (307—657); но мы разсматриваемъ общую характеристику германской философіи и психології XIX вѣка отдѣльно отъ психологическихъ направленій того же времени, чтобы сообщить ей больше ясности и опредѣленности. Приступая къ обзорѣ главныхъ направленій германской психології XIX вѣка, авторъ предпосылаетъ ему не большую главу о психологическомъ анализѣ въ Германіи (глава X). Мы коснемся ея въ немногихъ словахъ только послѣ общаго очерка германской философіи и психології, такъ-какъ тамъ она будетъ понятнѣе.

Общій взглядъ на германскую философію XIX вѣка и на отличие ея отъ прежнихъ направленій философіи въ XVII и XVIII вѣкѣ требуетъ особеннаго вниманія: потому что неправильность его можетъ потомъ мѣшать вѣрному пониманію особенностей германской психології, отличающихъ ее отъ англійской индуктивной. По нашему мнѣнію, понятія автора, касающіяся общаго характера германской философіи, таковы, что не только не даютъ возможности отличить ее отъ прежнихъ направленій философіи и психології, но и спутываютъ понятія о современномъ имъ духѣ образованія. Всѣ направленія философіи и психології новаго времени сперва у Декарта, Лейбница и Вольфа, потомъ у Канта, Шеллинга, Гегеля и т. д. отличаются у автора такими же свойствами, какъ и средневѣковая философія,—силлогизаціею, схоластикою, мистикою, метафизикою, буддизмомъ и тому подобными чертами, въ которыхъ ничего нѣтъ, кромѣ словъ. Остановившемся на такомъ хаотическомъ представленіи не сходныхъ по направленію періодовъ философіи, нѣтъ уже никакой возможности не уяснить себя правильное отношеніе германской философіи XIX вѣка къ философіи англійской и къ прежней философіи

на материкѣ Европы, ни представить типическія особенности германской психологіи XIX вѣка, которыми она отличается отъ прежнихъ направленій психологіи, не только въ Англіи, но и въ остальной Европѣ. Странно не знать, что германская философія XIX вѣка также отстала отъ средневѣковой философіи и схоластики и даже отъ философіи XVII и XVIII вѣка, какъ и индуктивная философія англичанъ. Потому-то и слѣдовало, какъ можно точнѣе показать, въ чемъ именно состояла главная задача, а равно и отличительный пріемъ германской философіи XIX вѣка, и почему, не смотря на то, что она, подобно англійской философіи, а можетъ быть даже и болѣе, выдѣлилась и очень далеко отошла отъ схоластики, тѣмъ не менѣе довольно рѣзко отличается и отъ первой. Но авторъ не выяснилъ себѣ этого вопроса и довольствуется самыми общими, неопредѣленными выраженіями, не обращая вниманія, что подъ антагонизмомъ этихъ двухъ направленій скрывается довольно серьезный смыслъ.

Такъ-же смутно и ошибочно представляетъ себѣ авторъ и отношеніе германской философіи XIX вѣка къ лейбницевольфіанской и декартовской, хотя между ними также есть существенное различіе. И пока не выяснено, хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ, типическое различіе германской философіи XIX вѣка, съ одной стороны отъ англійской, съ другой—отъ средневѣковой схоластики и отъ философіи XVII и XVIII вѣка, до тѣхъ поръ постоянно будетъ повторяться хаотическая неопредѣленность понатій (стр. 118—128, 271—273), отъ которой, какъ намъ кажется, авторъ не можетъ избавиться, когда у него заходитъ рѣчь о характеристикѣ германской философіи XIX вѣка и объ отношеніи ея къ картезианству и вольфіанству. Авторъ, напримѣръ, думаетъ, что декартовскій и вольфіанскій дуализмъ перенесли и въ германскую философію XIX вѣка, что въ ней такъ же существуетъ раздѣленіе науки, напримѣръ, психологіи на рациональную и эмпирическую (стр. 120), и что она, подобно *кар-*

вѣдѣніи такихъ противоположныхъ субстанцій, какъ духъ и тѣло... (272). Нѣтъ ничего хуже, какъ темное и сбивчивое понятіе. Прежде всего слѣдовало бы выяснитъ, что должно разумѣть подъ именемъ дуализма, и тогда уже рѣшать, можно ли на основаніи этого понятія сближать два крайне не сходные періода философіи. Какой бы методъ наука ни слѣдовала, научная разработка исторіи или ботаники всегда будетъ отличаться отъ описаній какого-нибудь туриста, или составителя мемуаровъ. Но это различіе между однимъ и другимъ приѣмомъ работы надъ однимъ и тѣмъ же матеріаломъ еще нельзя назвать дуализмомъ. Когда у Декарта, или у Вольфа выходили двѣ науки, двѣ психологіи, то основаніе этому двойству у нихъ было дуалистическое: признавши душу и тѣло за двѣ противоположныя субстанціи, нельзя было избѣгнуть и того слѣдствія, что отъ изслѣдованія духа и его явленій нѣтъ перехода къ явленіямъ тѣлесной природы, и на оборотъ, что отъ изученія физической природы нѣтъ никакого перехода къ объясненію жизни душевной. Космологія у нихъ распалась съ физикою, цѣлесообразный порядокъ природы съ механическимъ. Противъ этого-то дуализма уже и направлена была хотя бы и косвенно монадологія Лейбница. Но его-то именно и нѣтъ въ германской философіи XIX вѣка и въ этомъ отношеніи она несравненно ближе къ Лейбницу нежели къ Вольфу. Возьмемъ для примѣра любую германскую философію природы XIX вѣка: найдемъ ли мы въ ней космологію отдѣльно отъ физики. Нѣтъ; германская философія именно къ тому и была направлена, чтобы уничтожить вольфіанскій дуализмъ и найти въ самомъ порядкѣ природы, въ постепенности ея царствъ возможность подойти къ послѣдней и высшей степени жизни, выражающей въ высшемъ созданіи природы — въ человѣкѣ; тогда какъ у Вольфа и въ періодъ вольфіанства мы найдемъ только космологію и физику, но не найдемъ философіи

природы. Самъ же авторъ долженъ бы кажется догадаться, что въ германской философіи господствуетъ не дуализмъ, а что-то другое, когда говорить, что германскіе психологи XIX вѣка заняты теоріею превращенія силъ (стр. 272). Развернемъ еще любую психологію германскаго идеализма XIX вѣка, напримѣръ, гегелевскаго, — Мишле или Розенкранца. Сравнивши ее даже на-скоро съ какою-нибудь вольфіанскою психологію, нельзя не замѣтить, что тамъ нѣтъ этого раздѣленія между тракатами о душѣ, какъ субстанции простой, недѣлимой и такъ далѣе, и объ эмпирическихъ ея проявленіяхъ; напротивъ, вся жизнь души разсматривается въ одной непрерывной ея нити, начиная отъ самыхъ чувственныхъ ея свойствъ въ темпераментахъ, расахъ, полахъ и т. д., до самыхъ высшихъ въ мышленіи и волѣ. Вездѣ эта философія усиливается показать, что въ механическомъ и бессознательномъ порядкѣ жизни совершается то-же самое, только въ другой, низшей формѣ, что явится потомъ, какъ созннное и свободно — разумное. Правильно — ли выполнена эта задача — это другой вопросъ; дѣло у насъ въ томъ, что переимѣнивая вольфіанство съ германскимъ идеализмомъ XIX вѣка, мы только производимъ путаницу понятій и не даемъ никакой возможности выразумѣть не только духъ философіи, но, какъ мы сказали, и духъ германской культуры въ XVIII и XIX вѣкѣ.

Нѣтъ ничего удивительнаго, что при недостаткѣ опредѣленнаго понятія о содержаніи и методѣ германской философіи въ отличіе отъ англійской, авторъ не можетъ выяснитъ себѣ ни общей рельефной особенности германской психологіи XIX вѣка отъ англійской, ни внутренней связи между общимъ характеромъ психологіи и частными ея направленіями въ Германіи. Авторъ, какъ мы уже сказали, не знаетъ другой характеристики для германской философіи XIX вѣкѣ, кромѣ названій схоластики, мистици; по его мнѣнію, отличительная черта ея та, что она

занимается сущностями, врожденными идеями, и тому подобными фантазіями подъ влияніемъ божины музы. Но это только безполезныя общія мѣста, ровно ничего не опредѣляющія. Недостатокъ ея — не въ схоластикѣ; потому что она не руководствуется преданіемъ, не беретъ содержанія отвѣтъ, не вводитъ его внѣшнимъ образомъ въ формы силлогизма; ея содержаніе есть результатъ самостоятельной дѣятельности и углубленія мысли; ея форма и методъ — вовсе не въ силлогизаціи. Различаясь вмѣстѣ съ англійскою философіею отъ схоластической, германская философія страдаетъ, въ отличіе отъ англійской, широкостію своихъ стремленій. А потому, нужно только выразумѣть, въ чемъ именно состоитъ эта широкость ея стремленій, и тогда понятно будетъ, что она занимается не сущностями, не врожденными идеями, и что въ этомъ находитъ ея отличительный характеръ значитъ ничего не объяснять. Ограничиваясь немногими словами, можно сказать, что германская философія и психологія XIX вѣкѣ существенно отличается какъ отъ схоластики, не только средневѣковой, но и позднѣйшей, такъ и отъ направленія англійскихъ мыслителей и психологовъ. Схоластика, вызвавшая бѣсновскую реакцію, дѣйствительно занималась сущностями, т. е., опредѣляла причину міра только предикатами, выражающими отрѣшенность ея отъ міра явленій, и самое отношеніе ея къ міру и человѣку разсматривала только въ формѣ промышленности о мірѣ; но вовсе не задавалась вопросомъ о систематическомъ, научномъ указаніи ея выраженія въ мірѣ явленій, или о такой космологіи, которая была бы вмѣстѣ и герондеею. Подобный характеръ имѣла и схоластическая психологія, описывая только отвлеченныя свойства души — простоту, недѣлимость, невещественность, а равно и ея способности, соединяя ихъ только внѣшно, какъ другъ подлѣ друга находящіяся. Иначе ставитъ свое содержаніе англійская философія; она занимается изслѣдованіемъ законовъ міра вещественнаго и

нравственного, насколько можно опредѣлить ихъ на основаніи явленій. Тоже самое дѣлаетъ и англійская психологія; она изслѣдуетъ только явленія психической жизни и, такъ сказать, только механическое сцѣпленіе и возрастаніе, усложненіе душевныхъ отправления, начиная отъ ощущенія; но не задается вопросами ни объ отвлеченныхъ свойствахъ души, ни о внутренней связи порядка физическаго и нравственнаго какъ въ наблюдаемомъ нами мірѣ, такъ и въ человѣческомъ существѣ. Германская же философія XIX вѣка расходится и со схоластикою и съ англійскою философіею. Вообще говоря, она нисколько не отвергаетъ важности наблюденія и индукціи; даже у нѣкоторыхъ германскихъ мыслителей и психологовъ эти приемы играютъ довольно важную роль; но не имѣютъ исключительнаго и господствующаго значенія. По крайней мѣрѣ, германскій идеализмъ XIX вѣка, противодѣйствуя Канту, усиливался создать такое міросозерцаніе и такое понятіе о человѣческомъ существѣ, изъ которыхъ видно было бы, какъ можно мыслить (или представлять себѣ) взаимную связь и взаимное отношеніе между тѣми двумя рядами явленій, которые мы называемъ вещественными и духовными. То болѣе, то менѣе удачными способами онъ усиливался показать, что механическій ходъ явленій втекаетъ въ порядокъ высшій или цѣлесообразный, и что, на оборотъ, высшимъ или цѣлесообразнымъ порядкомъ поглощается порядокъ низшій или механическій. Такимъ образомъ, по смыслу его, существуетъ одинъ гармоническій міръ, а не два, изъ коихъ одинъ, какъ сущность, былъ бы по одну сторону, а другой, какъ явленіе—по другую. Понятно, что этотъ идеализмъ вовсе не похожъ ни на схоластику, ни на картезіанизмъ и вольфіанство, и въ окончательномъ результатѣ вѣдь собственно къ тому же монизму, какъ и самый чистый реализмъ.

Соотвѣтственно этому общему характеру германской философіи XIX вѣка имѣетъ свой отпечатокъ и германская психо-

логія этого времени, не сходный не только съ англійскою и еще болѣе со схоластическою, но даже, какъ мы отчасти уже сказали, съ психологіею, господствовавшею въ Германіи въ ХVІІІ вѣкѣ. Психологія германскаго идеализма ХІХ в. не занимается сущностями, или описаніемъ отвлеченныхъ предикатовъ души и способностей, существующихъ въ ней другъ подлѣ друга; не ограничивается и скромною задачею описанія явленій душевной жизни въ ихъ такъ—сказать механическомъ сдѣяніи или преѣмствѣ и опредѣленіемъ ихъ законовъ помощію индукціи. Въ ней постоянно замѣтно усиліе—найти въ составѣ и строеніи тѣлеснаго организма аналогію строя силъ душевныхъ, и въ самыхъ психическихъ отправленіяхъ такой порядокъ ихъ сочетанія и преѣмства механическаго, который служилъ бы основою и оправданіемъ ихъ цѣлесообразнаго порядка, и на-оборотъ, найти въ нихъ такой порядокъ цѣлесообразный, чтобы высшія отправленія служили заправляющимъ началомъ и вершиною всего порядка низшихъ отправленій. Не всегда и не во всѣхъ психологическихъ трудахъ германскаго идеализма въ одинаковой степени проглядываетъ этотъ отличительный характеръ германской мысли ХІХ вѣка; не одинаковой пріемъ господствуетъ во всѣхъ трудахъ германскихъ психологовъ для выполненія этой широкой задачи;—одни изъ нихъ пользовались больше умозрительною конструкціею, другіе—поэтическимъ гаданіемъ, третьи діалектическою методою, иные—даже смѣшенными пріемами, не имѣющими одного исключительнаго характера; но дѣло въ томъ, что совпаденіе механическаго и телеологическаго порядка въ развитіи психическихъ отправленій составляетъ почти общій характеръ психологіи, долго преобладавшей въ Германіи въ ХІХ вѣкѣ. Только въ недавнее время германская психологія начала съ преобладающею силою удаляться отъ прежняго направленія, обращая преимущественно вниманіе не на опредѣленіе послѣдовательнаго развитія и значенія психическихъ дѣятельствъ помощію общей

идеи духа, но на механическія, физическія и физиологическія основанія или условія психической дѣятельности. Тамъ изъ идеи духа выводили необходимость такихъ, а не другихъ качественно различныхъ психическихъ состояній и дѣятельностей; а здѣсь, изъ количественныхъ соотношеній между впечатлѣніями и ихъ реципіентомъ усиливается вывести и качественное различіе дѣятельностей души. Но можно сказать, что даже и это реалистическое направленіе психологіи въ Германіи остается вѣрнымъ общему духу германской философіи; потому что и послѣдователи этого направленія не ограничиваются разсматриваніемъ рядовъ психическихъ явленій только въ ихъ изолированномъ видѣ. Какъ идеалистическія школы психологическія, утверждаясь на своемъ идеалистическомъ базисѣ, пытались охватить и матеріальную жизнь, на-сколько она примыкаетъ къ душевной, такъ на оборотъ реалистическая школа думаетъ найти съ своей стороны такую формулу, которая объясняла бы самый способъ единенія жизни тѣлесной и душевной. У Фехнера наприм., такую формулою служить сохраненіе и превращеніе силъ, у Ноака вещество и движеніе, и т. д. Не говоримъ уже о Фихте младшемъ и Лёде, особенно о первомъ; такъ-какъ самую задачу ихъ психологическихъ идей составляетъ способъ, какъ можно понимать единство души и тѣла. Мы не говоримъ ничего ни въ защиту, ни противъ подобнаго направленія психологическихъ изслѣдованій: можно имъ слѣдовать, можно не слѣдовать; дѣло у насъ опять не въ томъ. Занимаясь оцѣнкою ихъ значенія, что и поставилъ себѣ задачею авторъ монографіи—*Нѣмецкая Психологія*, мы только не вправѣ, вопервыхъ, смѣшивать ее со схоластикою; смѣшиваніе одного съ другимъ доказывало бы только то, что мы не уяснили себѣ главныхъ направленій психологіи; во вторыхъ, при разборѣ ея значенія, нужно имѣть въ виду не сущности, не силлогизацію, которыми нисколько не разграничивается одно направленіе отъ другаго, а тотъ именно типическій хара-

теръ, который по преимуществу свойственъ германской психологii.

Къ какимъ страннымъ сбивчивостямъ въ частныхъ вопросахъ приводитъ автора невниманiе къ общему характеру германской психологii XIX вѣка, видно изъ тѣхъ мѣстъ сочиненiя, гдѣ германскимъ психологамъ XIX вѣка приписывается ученiе о такъ—называемыхъ способностяхъ души. Странно даже читать подобное положенiе въ историко-критическомъ изслѣдованiи. Изучавшему германскую психологию XIX вѣка слѣдовало бы сказать коротко и просто, что въ ней уже не существуетъ ученiе о способностяхъ души въ прежнемъ видѣ; между тѣмъ, почтенный авторъ исписываетъ цѣлыя страницы (123—127) противъ этого не существующаго теперь ученiя, и еще присовокупляетъ невѣдомымъ послѣдователямъ его самыя неумѣстныя эпитеты. Достаточно обратить вниманiе только на психологию германскаго идеализма, преобладавшаго въ Германiи не менѣе тридцати лѣтъ, чтобы понять совершенно новый взглядъ на душевныя способности; а дальнѣйшiя психологическiя ученiя уже не поднимали прежняго взгляда, въ томъ видѣ, какъ онъ существовалъ у Декарта, Вольфа, или въ кантовской школѣ. Въ декартовской, вольфианской и даже кантовской школахъ говорилось о способностяхъ души такъ, что во все не понятно было, почему этихъ способностей ни больше, ни меньше, и въ какой онѣ связи съ самою натурою души. Германская же психологii XIX вѣка тѣмъ отличается отъ нихъ, что пытается такъ объяснить ихъ происхожденiе, чтобы видна была самая необходимость ихъ и взаимное соотношенiе. Но у однихъ представителей ея преобладаетъ способъ объясненiя умозрительный, у другихъ—механическiй или по крайней мѣрѣ, близкiй къ механическому. Первый способъ всего явственнѣе въ школѣ гегелевской: по смыслу ея ученiя, говоря какъ можно проще, въ способностяхъ души выражаются только степени развитiя самой же ея жизни. У Гербарта также

подъ способностями разумѣются только состоянія душевной монады, которыя въ ней происходятъ отъ давленія, производимаго на нее другими монадами и отъ свойственнаго ей, какъ и всякому существу, самосохраненія. Бенекке прямо отрицаетъ прирожденныя способности въ томъ смыслѣ, какъ ихъ понимали прежде, и признаетъ ихъ только результатомъ тѣхъ слѣдовъ, которые образовались въ душѣ отъ неоднократно повторявшихся однообразныхъ впечатлѣній. Также точно и Фихте мл. вовсе не слѣдуетъ прежнему ученію о способностяхъ (Psych. § 109, 110, 111). Словомъ, частная отличительная черта германской психологіи XIX вѣка именно и состоитъ въ томъ, что она не принимаетъ прежней теоріи способностей и усиливается найти самый генесисъ ихъ путемъ ли то умозрительнымъ, или механическимъ. Умозрительный выводъ такъ называемыхъ способностей души, не смотря на всѣ его недостатки, проливаетъ свѣтъ на послѣдовательность теоретическаго и практическаго развитія челоуѣка, а второе—даетъ практическія средства для пробужденія и образованія душевныхъ силъ, тогда какъ прежнее ученіе было мало полезно въ томъ и въ другомъ отношеніи.

Послѣ общаго понятія о характерѣ германской философіи и психологіи XIX вѣка и о перемѣнѣ въ понятіяхъ германскихъ психологовъ XIX вѣка о такъ—называемыхъ способностяхъ души, удобнѣе будетъ понять и значеніе трактата о психологическомъ анализѣ въ Германіи (268—302). Здѣсь прежде всего можно спросить, что собственно хотѣлъ авторъ изобразить въ трактатѣ о психологическомъ анализѣ въ Германіи?

Всѣ акты, всѣ событія и состоянія нашей внутренней жизни представляются для непосредственнаго наблюденія такими цѣльными и такъ закрытыми отъ насъ по своему происхожденію, что, не входя въ разсмотрѣніе ихъ состава и преемственнаго послѣдованія, мы приписываемъ ихъ безъ дальняго разсужденія такъ—называемымъ способностямъ души. Наука о духѣ вникаетъ

преимущественную ихъ зависимость, разлагаетъ ихъ на составныя стихіи, и такимъ образомъ, находитъ нѣкоторую причинную связь въ полномъ составѣ душевной жизни. Это—то разложеніе состава душевной жизни для объясненія доступной намъ причинной связи между составными ея стихіями и есть дѣло психологическаго анализа. Въ своемъ трактатѣ о психологическомъ анализѣ въ Германіи авторъ желалъ представить, — чѣмъ отличается этотъ анализъ отъ анализа нѣкоторыхъ англійскихъ психологовъ. Естественно, что каковъ бы ни былъ у нѣмцевъ психологическій анализъ XIX вѣка, прежде всего слѣдовало показать его общій отличительный характеръ и, какъ у нихъ постоянно существовало два направленія, называемыя обыкновенно идеализмомъ и реализмомъ, то необходимо было показать и несходство какъ общее германскаго анализа отъ англійскаго, такъ и главнѣйшіе несходные оттѣнки его въ этихъ двухъ направленіяхъ. Само собою разумѣется, что изъясненіе всѣхъ этихъ разностей психологическаго анализа въ Германіи не могло обойтись безъ знанія общихъ направленій ея философіи; такъ—какъ одно въ ней всегда почти находится въ тѣсной связи съ другимъ. Но авторъ не обращаетъ вниманія на внутреннія причины отличительныхъ свойствъ психологическаго анализа въ Германіи; не выяснивши сперва существеннаго характера германской философіи и психологіи XIX вѣка, авторъ смѣшиваетъ потомъ XIX вѣкъ съ XVIII-мъ, и затѣмъ, отличительный характеръ новѣйшей германской психологіи у него совершенно исчезъ; она слита съ психологіею XVIII вѣка (268), и—всѣ причины сведены къ одной категоріи, о которой мы уже говорили,—это — *силлогизація, схоластика, воздушные замки* и такъ далѣе... (269). Разумѣется, что, при такомъ смѣшеніи двухъ несходныхъ періодовъ психологіи, не было возможности выяснитъ, въ чемъ заключается отличительный характеръ и психологическаго анализа у нѣмецкихъ психологовъ, каковы бы ни были его достоинства или

недостатки. При недостаткѣ яснаго понятія о типическихъ его особенностяхъ, у автора остался только общій критерій:—каждый, кто не эллинъ, тотъ варваръ; что не согласно съ положеніями Бэна и Броуна, то схоластика. Перемишавши одно съ другимъ, не представивши раздѣльнаго понятія о различіи между германскимъ психологическимъ анализомъ XIX вѣка и психологическою теоріею XVII и XVIII вѣка, длившеюся еще и въ кантовской школѣ, авторъ, въ добавокъ, ограничивается самыми скудными и отрывочными показаніями, которыя высказаны у него голословно и не проведены въ примѣрахъ изслѣдованій замѣчательнѣйшихъ нѣмецкихъ психологовъ XIX вѣка, каковы наприм., кромѣ Гербарта и Бенеке, Лёце, Фехнеръ, Фихте млад. и другіе. Весь свой разборъ этого анализа авторъ сводитъ къ тремъ положеніямъ, и, по поводу каждого изъ нихъ входитъ въ небольшія разсужденія, которыми старается какъ-нибудь поддержать ихъ. Нѣчто въ родъ заключенія составляетъ критическая замѣтка о *сознаніи, внутреннемъ чувствѣ, самосознаніи*, а потомъ, о *памяти, воображеніи, сужденіи и умозаключеніи*.

Въ первомъ положеніи (269) авторъ говоритъ: »Нѣмецкіе психологи, не взирая на громадныя усилія и трату длиннаго періода времени, не успѣли установить ни одного широкаго психологическаго закона, и не объяснили ни одного важнаго психологическаго явленія, безспорно для всѣхъ своихъ школъ и партій.«

Для оправданія этого положенія, слѣдовало бы разсмотрѣть всѣ образцы анализа по крайней мѣрѣ въ замѣчательнѣйшихъ направленіяхъ германской психологіи XIX вѣка; но этого авторъ не сдѣлалъ, по крайней мѣрѣ съ такою полнотою, какъ въ разборѣ анализа у англійскихъ психологовъ. Читая нѣсколько страницъ (269—275), посвященныхъ доказательству такого общаго и рѣшительнаго приговора, нельзя не удивляться—какимъ образомъ нѣсколько взглядовъ, на удачу взятыхъ изъ XVII-го, XVIII-го и XIX-го вѣка, съ пропускомъ школы идеализма и едва упоминая

замѣчательнѣйшихъ психологахъ за послѣднія два десятилѣтія; можно было выдавать за научный разборъ анализа. Прежде всего, авторъ увѣряетъ, въ немногихъ словахъ, что въ германской психологіи XIX вѣка осталась схоластика (271), а съ нею и муки *картезіанства*, пытавшагося объяснить *взаимодѣйствіе субстанцій духа и тѣла*, что въ слѣдствіе старой гипотезы объ *actio in distans* въ ней терминъ *силы* удержалъ свой прежній смыслъ (270), и что Кантъ, Гербартъ, Бенеке и Лёпе не остановились на разсматриваніи психическихъ явленій только со стороны ихъ преемства, но предполагали въ основаніи его нѣчто болѣе, каждый съ своей точки зрѣнія (270). Такъ, у Канта такимъ основаніемъ преемственной связи былъ прирожденный разсудокъ и его категоріи, у Гербарта—смежность субстанцій, и отсюда выступаніе въ качествѣ силъ или причинъ, у Бенеке—только предположеніе, что въ основаніи преемства (*Nachher*) должно быть нѣчто болѣе одного преемства, хотя это *ничто* намъ неизвѣстно. Отъ этого нежеланія германскихъ психологовъ—ограничиться въ психологіи однимъ преемствомъ явленій произошло то (271), что у нихъ во первыхъ, вовсе нѣтъ анализа чувственности, нѣтъ и объясненія, какъ происходятъ у насъ представленія пространства, времени и матеріи. Послѣдній недостатокъ происходитъ у нихъ, по мнѣнію автора, между прочимъ, и оттого, что не оцѣнено значеніе мускульныхъ чувствъ (272). Въмѣсто того, чтобы заниматься анализомъ чувственности, германскіе психологи, какъ говоритъ авторъ, даютъ у себя мѣсто картезіанству и схоластикѣ (271) и занимаются вопросами объ отношеніи духа и тѣла, какъ субстанцій. Высказавши на двухъ страницахъ весь характеръ психологическаго германскаго анализа въ примѣненіи къ чувственности, авторъ потомъ (273 и 274) прибавляетъ, что изслѣдованіе *внутренней причинности духовныхъ явленій* въ нѣмецкой психологіи XIX вѣка остается въ своемъ первобытномъ, средневѣко-

вомъ видѣ. Въ подтвержденіе своего взгляда, авторъ говоритъ по—нѣскольку строкъ о Кантѣ и Фризѣ (какъ будто кантовская психологическая школа относится къ XIX вѣку, какъ представительница его), потомъ упоминаетъ еще о Герbartѣ и Бенеке, изъ коихъ первый причинную связь духовныхъ явленій находилъ «во взаимной проницаемости представленій другъ для друга,» а второй—въ этомъ вопросѣ отличался такимъ взглядомъ на взаимную зависимость духовныхъ явленій, что ее *трудно и передать*. (275). Другіе психологи, говоритъ авторъ, или во все не касались вопроса о причинной зависимости духовныхъ явленій и ограничивались все какими—то описаніями, или же продолжали и здѣсь мистику «превращенія,» т. е., какъ и въ ученіи объ отношеніи тѣла и души (275).

Таково содержаніе разсужденія, подтверждающаго первое и главное положеніе. Доказалъ ли его авторъ, можно ли въ этомъ отдѣлѣ находить что нибудь похожее на разборъ германскаго психологическаго анализа въ XIX вѣкѣ? Въ немъ замѣтно только усиліе выставить въ самомъ темномъ видѣ состояніе нѣмецкой психологіи XIX вѣка; но для насъ это безразлично, а важенъ былъ бы научный разборъ ея анализа. Но этого то разбора нѣтъ; есть только отрывочное указаніе на нѣкоторые вопросы психологическіе и, нѣчто, только намекающее на отвѣты; но и тутъ допущено много произвольныхъ взглядовъ и толкованій.

И во первыхъ, на какомъ основаніи авторъ, вмѣсто того, чтобы представить дѣйствительный психологическій анализъ новейшей нѣмецкой психологіи, непрерывно упоминаетъ о схоластикѣ, картезіанствѣ, когда это не только не даетъ никакого понятія о предметѣ трактата, но еще спутываетъ понятія у того, кто захотѣлъ бы, на основаніи словъ автора, узнать, въ чемъ состоитъ различіе между однимъ и другимъ анализомъ. Отъ этой смѣшенности авторъ или навязываетъ этой психологіи то, чего тамъ нѣтъ, или, что еще важнѣе, совсѣмъ не такъ

оттѣняетъ самые взгляды психологическіе; а многіе изъ нихъ получили бы совсѣмъ иной смыслъ, иное значеніе, если бы понята была связь ихъ съ цѣлымъ психологическимъ направленіемъ. Такъ, на примѣръ мы уже сказали, что въ нѣмецкой психологій XIX вѣка не существуетъ прежняго понятія о способностяхъ души, а этотъ вопросъ принадлежитъ къ числу самыхъ важныхъ въ дѣлѣ психологическаго анализа. Между тѣмъ, у автора, не извѣстно почему, приписывается германскимъ психологамъ прежнее ученіе объ этихъ способностяхъ. Если-бы авторъ не перемѣшалъ, не извѣстно почему, однихъ періодовъ психологій съ другими, то тутъ-то и было бы въ высшей степени интересно показать, какъ именно смотреть теперь на способности души, не Кантъ и не Фризъ, а на примѣръ, Лёце, Фортляге, Фихте мл., и другіе. Но упочтеннаго автора все это обойдено. *Въ особенности странно, что почтенный авторъ рѣшился сдѣлать такой сильный приговоръ въ своемъ первомъ произведеніи, не представивъ въ приложеніи психологическаго анализа у кого-либо изъ новѣйшихъ германскихъ психологовъ. Въ томъ отношеніи, заслуживавъ бы вниманія по крайней мѣрѣ Фортляге, у котораго есть и попытка анализа и указаніе именно на законы психической жизни.*

Желая доказать свое положеніе, авторъ увѣряетъ еще, что вопросы о пространствѣ, времени и матеріи въ нѣмецкой психологій остались до сихъ поръ совершенно неразработанными, такъ что психологія этого отдѣла представляетъ въ цѣломъ явленіе, ни чѣмъ не отличающееся отъ явленій того же рода въ періодъ схоластики и картезіанства (271), а это буд-то бы оттого, что ни одинъ изъ нѣмецкихъ психологовъ не умѣлъ достаточно оцѣнить значеніе мускульныхъ чувствъ (272). Приговоръ очень рѣшительный; читатель опять въ правѣ ожидать подробнаго указанія, какъ объяснялись эти вопросы у замѣчательныхъ германскихъ психологовъ; но никакого разбора нѣтъ. Сказавши, что этотъ недостатокъ произошелъ отъ невниманія къ значенію мускульныхъ чувствъ, авторъ только говоритъ въ двухъ трехъ строкахъ, что Фризъ и Гербартъ отдѣляютъ этихъ чувствъ отъ чувства осязанія, а Бенеке упоминаетъ объ нихъ только мимоходомъ. Но изъ того, что Бенеке упоминаетъ объ нихъ только мимоходомъ, еще не слѣдуетъ, что

(в. Psychol., 1855, стр.) его одноклассикъ и современникъ автора будучи очевидна.

другіе, позднѣйшіе психологи не разсматриваютъ ихъ съ большимъ вниманіемъ, что можно найти не только у такихъ извѣстныхъ психологовъ, какъ Лёде, но и у менѣе извѣстныхъ, какъ напримѣръ, Ульрици ¹⁾. Дѣло только въ томъ, что мускульныя чувства разсматриваются у нѣкоторыхъ изъ нихъ и совершенно правильно, только какъ вспомогательныя средства для образованія представленій, оказывающія свое дѣйствіе при нужныхъ для того условіяхъ, состороны самой души. Потому-то, и нужно было точнѣе и подробнѣе показать, почему именно и какъ, не смотря на вниманіе къ мускульнымъ чувствамъ и ко всѣмъ фізіологическимъ даннымъ, нѣкоторые германскіе психологи приходятъ, въ концѣ своего анализа, къ признанію необходимости еще особенныхъ условій, нужныхъ для того, чтобы могло образоваться представленіе пространства и времени ²⁾. Прежде прибѣгали къ предположенію врожденности или апріорности формъ пространства и времени; но это объясненіе принадлежитъ давно минувшимъ днямъ.

На прасно такъ-же авторъ думаетъ, будто терминъ силы и до сихъ поръ не потерялъ у германскихъ психологовъ своего прежняго смысла (270), когда каждому ряду явленій, вмѣсто объясненія ихъ помощію связи съ другими явленіями или состояніями, придавали въ основаніе невѣдомое понятіе силы (270). Этотъ терминъ давно уже потерялъ свой прежній смыслъ, и если и теперь иногда онъ употребляется, то въ другомъ значеніи и въ другомъ болѣе широкомъ смыслѣ. Въ психологіи онъ мало имѣетъ мѣста. Уже въ идеализмъ діалектической системы этотъ терминъ былъ низведенъ съ своего пьедестала и на мѣсто его наставленъ *законъ*; только подъ закономъ въ ней разумѣли не однообразность въ преемствѣ явленій, а нѣчто болѣе. Но для насъ не важенъ самый терминъ *силы*; важнѣе то, чтобы пред-

¹⁾ См. Ulrici Leib und Seele; Lpz., 1866, о чувствахъ зрѣнія (стр. 154—196), слуха (193—215), осязанія и мускульнаго чувства (215).

²⁾ См. тамъ-же.

ставить, каковъ именно выходилъ анализъ психическихъ явлений съ предположеніемъ въ основаніи ихъ не одного преемства, но и невѣдомой силы. Но авторъ, присвоивши всѣмъ германскимъ психологамъ понятіе *силы*, какъ орудіе для объясненія психическихъ явленій, избавляетъ себя отъ точнаго разбора внутренней причинности духовныхъ явленій по ученію нѣмецкихъ психологовъ XIX вѣка. Все ограничивается опять нѣсколькими словами о Кантѣ Фризѣ, о Герbartѣ и Бенеке, изъ которыхъ первые даже не могутъ относиться къ представителямъ новѣйшей психологіи. Тотъ же анализъ позднѣйшій, на прим. у Фортляге, или Фихте., который былъ бы гораздо важнѣе и представилъ бы нѣчто другое, а не одно прежнее предположеніе *силы* въ основаніи психическихъ явленій, оставленъ у автора безъ всякаго вниманія.

Отличительный характеръ большей части германскихъ психологовъ состоитъ между прочимъ въ томъ, что въ составъ ихъ психологическихъ изслѣдованій входитъ и вопросъ объ отношеніи души и тѣла. Но и тутъ авторъ, кажется, неправъ; онъ напрасно находитъ у нихъ реставрацію картезіанства; или, если, по его мнѣнію у нихъ дѣйствительно возстановлено картезіанство, то слѣдовало бы доказать это разборомъ по крайней мѣрѣ главныхъ психологическихъ доктринъ. Иначе можно подумать, что картезіанство съ его крайнимъ дуализмомъ, было только предлогомъ, чтобы уклониться отъ точнаго разбора позднѣйшихъ ученій объ этомъ вопросѣ. Мы нѣсколько не намѣрены отстаивать мнѣнія новѣйшихъ германскихъ психологовъ о связи души и тѣла, но думаемъ только, что картезіанствомъ никакъ нельзя назвать новѣйшіе взгляды нѣмецкихъ психологовъ на отношеніе души и тѣла и что, коснувшись этого вопроса, необходимо было точно рассмотреть ученіе по крайней мѣрѣ тѣхъ изъ нихъ, у кого проявлялось совершенно новое усиліе къ примиренію крайностей идеализма и реализма (напримѣръ, Фихте мл., Ульрици), а въ немъ многое достойно вниманія.

Перейдемъ теперь къ двумъ остальнымъ положеніямъ: «для нѣмецкихъ психологовъ, такъ говорится во второмъ положеніи, духъ есть арена, открытая заразъ для множества впечатлѣній или состояній, на которую онѣ вступаютъ въ одно и тоже время, пребывая такимъ образомъ въ отношеніи пространственной сопредѣльности или смежности; сходятся между собою и расходятся; соединяются въ дѣйствительныя сложности и раздѣляются, подобно тому, какъ приближаются другъ къ другу, или удаляются другъ отъ друга какія нибудь вещественныя субстанціи (стр. 277).» По третьему положенію автора «нѣмецкіе психологи полагаютъ, что состоянія духа не суть состоянія преходящія, что они существуютъ и тогда, когда исчезаютъ, или точнѣе, и послѣ того, какъ исчезаютъ,—и существуютъ въ одно и тоже время съ состояніями дѣйствительно существующими (278)».

Оба эти положенія, въ особенности первое, до такой степени странны, что мы даже не знаемъ, на чемъ именно они основываются. Авторъ ссылается въ первомъ положеніи опять на Канта и Фриза, которые не идутъ къ дѣлу; потомъ приводитъ еще Гербарта и Бенеке, но въ такихъ ненаучныхъ выраженіяхъ, что изъ нихъ нельзя вывести никакого опредѣленнаго результата. Слѣдовало бы прежде привести точный разборъ, что именно разумѣется у нихъ подъ явленіями и состояніями, заразъ существующими въ духѣ. Если подъ ними разумѣется нѣчто безсознательное, то вопросъ принимаетъ довольно спорный характеръ и рѣшеніе его потребуетъ долговременныхъ изслѣдованій; если же это явленія и состоянія сознательныя, то ученіе новѣйшихъ нѣмецкихъ психологовъ прямо и положительно противорѣчитъ автору. По ихъ мнѣнію, духъ нашъ воспринимаетъ въ свое сознаніе всѣ впечатлѣнія и состоянія не иначе, какъ преемственно одни за другими, а не всѣ, или многія разомъ. Отсюда происходитъ у нихъ и понятіе о такъ называемой *уз-*

кости (Enge) сознания, т. е., что заразы оно принимает только одно что-нибудь ¹⁾. Гдѣ же тутъ арена въ духѣ, открытая за-
 разъ для множества впечатлѣній или состояній? Не будетъ ли
 она чѣмъ-то въ родѣ вымысла? Если бы почтенный авторъ об-
 ратилъ вниманіе на этотъ вопросъ, то онъ встрѣтился бы здѣсь съ
 другимъ, довольно труднымъ вопросомъ, а именно, если духу
 нашему свойственно удерживать въ извѣстный моментъ только
 одно впечатлѣніе или представленіе, то какъ-же становится для
 него возможнымъ сравненіе чего-либо одного съ другимъ? Какъ
 возможно ему удерживать даже свое тождество? Рѣшеніе этихъ
 вопросовъ важно потому, что оно прямо ведетъ къ высшимъ
 свойствамъ духа. Что касается третьяго положенія, то въ раз-
 боръ его входить нѣтъ нужды, такъ — какъ оно и по сознанию
 автора содержитъ въ себѣ только продолженіе втораго (278).
 Оно касается собственно законовъ ассоціаціи, которыхъ до сихъ
 поръ никто еще не выяснилъ окончательно. Но по поводу это-
 го положенія, авторъ высказываетъ свое сужденіе касательно уче-
 нія нѣмецкихъ психологовъ о памяти, и находятъ, что въ немъ
 удержана схоластическая теорія памяти, какъ резервуара, или
 складочнаго мѣста въ духѣ (280). Казалось бы уже одно
 то, что прежней теоріи способностей души въ современной нѣ-
 мецкой психологіи не существуетъ, должно бы привести автора
 къ убѣжденію, что не могло въ ней удержаться и прежнее
 понятіе о памяти. Но авторъ не отбѣдилъ XIX отъ XVIII вѣка,
 и отъ того продолжаетъ утверждать то, чего давно уже нѣтъ,
 и безъ всякой нужды цитуетъ еще статью о схоластической
 теоріи памяти. Даже идеализмъ XIX вѣка не признавалъ уже
 памяти за способность, и глубоко выяснилъ по крайней мѣрѣ
 ея значеніе въ ряду другихъ явленій психической жизни. Сове-
 рменные психологи германскіе прямо и положительно говорятъ,

¹⁾ См. Н. Fichte, Psychol., 1864, S. 166; Ulrici, Leib u. Seele, S. 308....; Lotze, Mikrokos. S. 213....

что память вовсе не есть какая либо особенная способность ¹⁾. Авторъ обращаетъ еще вниманіе на понятія германскихъ психологовъ о дѣятельности *представленія*; но какъ ни важенъ былъ бы разборъ главныхъ понятій объ этомъ актѣ нашей души, мы ничего не нашли о немъ въ трактатѣ о психологическомъ анализѣ въ Германіи (стр. 291—2). Нѣсколько строкъ, въ которыхъ упоминается слово *представленіе*, не даютъ никакого понятія объ этомъ самомъ жизненномъ психологическомъ вопросѣ, особенно же о переходѣ представленийъ изъ темнаго состоянія въ ясное и т. д.

Но всего интереснѣе, что и какъ почтенный авторъ говорить о сознаніи, внутреннемъ чувствѣ и самосознаніи. Въмѣсто того, чтобы представить очеркъ анализа сознательной жизни нашей души, дѣлаемаго германскими мыслителями и сопоставить его съ другимъ анализомъ, рассматривающимъ ее, какъ предметъ психическихъ явленій, почтенный авторъ только утверждаетъ, что «сознаніе не заключаетъ въ себѣ никакого новаго элемента нашей духовной конституціи (294),» что *память*,

¹⁾ Приводимъ здѣсь слова нѣкоторыхъ изъ нихъ, которыя показываютъ, что авторъ *нѣмецкой психологіи* напрасно утверждаетъ будто, у нѣмецкихъ психологовъ XIX вѣка господствуетъ понятіе о памяти, какъ объ особенной способности души.

Слова Фихте мл.: «Gedächtniss» beruht nicht auf einem besondern Vermögen des Geistes, so wenig als die «Fassungskraft....» Psychol. S. 406. Слова Ульрици: «Allein die einfachsten Fälle (о которыхъ выше была рѣчь у Ульрици).... beweisen gerade, dass es (т. е. Erinnerungsvermögen) kein besondres Vermögen der Seele ist.» Grundz. einer Psych. d. Menschen.... стр. 476.

Точно такъ-же и Фортляге рассматриваетъ память во все не какъ какую-то особенную способность души. Syst. d. Psychol. I B., стр. 119.....

воображеніе, сужденіе и умозаключеніе не содержать въ себѣ никакого особеннаго въ психологическомъ отношеніи смысла (292), что »сознаніе есть простое присутствіе частныхъ духовныхъ явленій, безсознательность есть простой пробѣлъ ихъ (283).« Но эти-то положенія именно и нужно было оправдать критическимъ разборомъ значительно несходнаго понятія о нихъ у большинства германскихъ психологовъ; тогда только и видно было бы, который анализъ выше и глубже; но никакого разбора почтенный авторъ не представилъ. Никакая психологія не въ состояніи ни опредѣлить сознаніе, ни объяснить его происхожденіе, но нельзя сказать, чтобы оно не заключало въ себѣ ничего *новаго* въ сравненіи съ низшею степенію нашей жизни; а иначе, мы противорѣчили бы только наблюденіямъ надъ развитіемъ чловѣка. Вопросъ только въ томъ, чтò именно *новаго* приносится сознаніемъ? Самый ли матеріалъ, содержаніе, или только разграниченіе, нужное для разработки матеріала? Говорить что »сознаніе есть простое присутствіе духовныхъ явленій, а безсознательность есть простой пробѣлъ ихъ,« значитъ, только показывать, что сознаніе неопредѣлимо, что желая его опредѣлить, мы уже его предполагаемъ, какъ данное, но не то, что оно не составляетъ ничего новаго въ сравненіи съ низшею жизнью; потому что для кого-же существуютъ духовныя явленія? Для нашего сознанія, которое мы уже предполагаемъ, говоря о присутствіи явленій, но нисколько не опредѣляемъ. Изъ понятія о сознаніи, представленнаго авторомъ, слѣдовало бы заключать, что когда мебель есть въ комнатѣ, то она сознаетъ себя; но когда мебель вынесли и произвели въ комнатѣ пробѣлъ, то она перестала сознавать себя.

Далѣе, когда авторъ сказалъ, что *воображеніе, сужденіе, умозаключеніе* не содержать въ себѣ никакого особеннаго въ психологическомъ отношеніи смысла, то опять необходимо было представить, какъ именно объясняются эти степени душев-

ной дѣятельности въ двухъ несходныхъ направленіяхъ психологій; потому что здѣсь—то именно и обнаруживается между ними значительная разница. Въ особенности, для оправданія взгляда, нивелирующаго всѣ эти роды дѣятельности, нужно было доказать, что простое преемство психическихъ явленій тождественно съ тѣмъ сочетаніемъ представленій и понятій, которое содержится въ сужденіи и умозаключеніи. Полезно было бы также привести анализъ сознательной душевной дѣятельности хотя Фортляге.

Въ общемъ выводѣ, весь трактатъ о психологическомъ анализѣ въ Германіи быть можетъ былъ бы удовлетворительнѣе, еслибы обращено было вниманіе, во первыхъ, на отличительный характеръ германской психологіи XIX вѣка не только отъ декартовской, но и отъ кантовской, во вторыхъ, на самый характеръ ея анализа. Новѣйшая нѣмецкая психологія отличается не недостаткомъ психологическаго анализа, но тѣмъ, что, при помощи его, находить нужнымъ, въ основаніи наблюдаемыхъ психическихъ явленій, предполагать и высшія свойства души, а это далеко не всегда мѣшаетъ дѣлу анализа.

IV.

Каково же слѣдующее за психологическимъ анализомъ изображеніе главныхъ направленій германской психологіи XIX вѣка (307—658)? Надобно отдать полную справедливость автору въ томъ отношеніи, что въ его очеркѣ психологіи кантовской школы, особенно Гербарта и Бенеке, видны слѣды внимательнаго и подробнаго изученія ²⁾. Чтобы сдѣлать подобное изложеніе каж-

²⁾ Замѣтить впрочемъ должно, что подробность изложенія кантовской психологіи не избавила автора отъ сбивчивостей. Приведемъ теперь для примѣра только одно мѣсто. На стран. 420-4-ой авторъ говоритъ, что у Канта «Божество, рассматриваемое съ точки зрѣнія аналитической, есть только полный объемъ того, что мы называемъ явленіями,—вселенная взятая въ цѣломъ и рассматриваемая въ системѣ; такое объясненіе достаточно убѣждаетъ насъ, что Кантъ благоговѣлъ передъ созерцаніями Спинозы; потому что скопировалъ своего Бога съ его «абсолютной субстанции.» Какими послѣдствіями сопровождалась подобная «спекулятивная» теорія божества, мы поймемъ, припомнивши Божество Гегеля, какъ «си-

лаго психологическаго ученія, нуженъ долговременный ученый трудъ. Къ сожалѣнію, едвали не этою только даже излишнею подробностію въ изложеніи психологическаго ученія Гербарта, Бенеке и кантовской школы и ограничивается свѣтлая сторона историко-критическаго изслѣдованія о направленіяхъ германской психологіи. Въ цѣломъ, крайне трудно признать весь этотъ огромный отдѣлъ соответствующимъ своей цѣли.

II во первыхъ, не извѣстно, почему это изображеніе главныхъ направленій германской психологіи начинается идеализмомъ, такъ-какъ психологія нѣмецкаго идеализма слѣдовала послѣ критической философіи Канта, и самый внутренній складъ идеалистической психологіи получилъ свои опредѣленные очертанія только подъ вліяніемъ новыхъ стремленій, вызванныхъ философіею Канта. При объясненіи какого бы то ни было замѣчательнаго направленія весьма много значитъ какъ можно точное знаніе тѣхъ особенностей предшествовавшаго направленія, которыми вызвано было сознаніе потребности иного направленія, новой постройки философской системы. Безъ знанія внутренняго проис-

стему абсолютнаго знанія.»—Не понимаемъ, какимъ образомъ авторъ такъ категорически высказываетъ самыя ошибочныя и произвольныя понятія о Кантѣ. *Отличительная черта Канта, въ отношеніи къ Спинозѣ и позднѣйшихъ идеалистамъ,* заключается именно не въ томъ, что приписываетъ ему авторъ, а въ томъ, что не только въ понятіи о Божествѣ, но и о безсмертіи души онъ удерживается на точкѣ зрѣнія, такъ называемой *теистической*, т. е. на точкѣ зрѣнія общаго здраваго смысла. Божество у Канта есть существо премудрое, всемогущее и всеблагое, а не *вселенная взятая въ цѣломъ*. И это усиліе Канта—удержать здравомыслящее направленіе въ понятіи о Божествѣ находится у него въ связи съ тою особенностію его ученія, что онъ отказывается разсматривать міръ, какъ выраженіе самаго Божества и его природы. Онъ ограничивается только тѣмъ, что указываетъ въ нашей нравственной природѣ требованіе идеи Бога, какъ верховнаго законодателя и судіи, а въ цѣлесообразномъ устройствѣ міра—премудраго создателя. Точнымъ знаніемъ понятій первостепенныхъ мыслителей пренебрегать не должно; изъ отдѣльныхъ понятій слагается система, а духомъ системы потомъ объясняется ихъ вліяніе на понятія о правѣ, нравственности, искусствѣ и т. д. и т. д. Больше распространяться мы не будемъ, и отсылаемъ къ кантовой критикѣ практическаго разума и телеологическаго сужденія. См. еще Философ. Лексиконъ, III-й томъ, 1866, Кіевъ, стран. 69 и 84.

хожденія новаго направленія, оно уже не можетъ быть понято какъ должно, какъ того требуетъ научное знаніе. Чтобы убѣдиться въ неестественности исходнаго начала нѣмецкой психологіи, сдѣланнаго авторомъ, достаточно обратить вниманіе на первыя же страницы, гдѣ излагается происхожденіе идеализма Фихте и Шеллинга. Авторъ приурочиваетъ идеализмъ Фихте и Шеллинга къ Беркли. Но отношеніе ихъ идеализма къ идеализму Беркли такъ отдаленно, что послѣднимъ никакъ нельзя выяснитъ ни задачи, ни внутренняго строя нѣмецкаго идеализма. Беркли настаивалъ только на томъ, что познаніе внѣшняго міра зависитъ не отъ этого міра и не привносится къ намъ отъ него, но что оно зависитъ отъ духа; внѣшнему же міру свойственна только познаваемость, свойственно только быть предметомъ познанія (*percipi*); тогда какъ идеализмъ, возникшій въ видѣ противодѣйствія Канту, усиливается уловить самый процессъ происхожденія изъ самодѣятельности духа всѣхъ формъ и всѣхъ степеней знанія и жизни. Въмѣсто непримиреннаго двойства знанія и жизни, поставленнаго Кантомъ, идеализмъ думалъ произвести изъ одной самодѣятельности духа всѣ полюсы жизни. А потому, смыслъ его былъ бы понятенъ только въ то время, когда, и въ немногихъ словахъ, было бы высказано, что именно было въ критической философіи, вызвавшей такіа напряженныя усилія нѣмецкаго идеализма XIX вѣка (313—314). Какъ мало авторъ обращаетъ вниманія на внутреннія основанія въ критической философіи, изъ которыхъ выросъ потомъ германскій идеализмъ, видно изъ того мѣста (317), гдѣ только вскользь говорится о причинахъ несходства между идеализмомъ Фихте и Шеллинга: такъ—какъ идеализмъ перваго законченъ былъ въ то время, когда Кантъ не успѣлъ еще издать своей критики способности сужденія, а идеализмъ втораго образовался уже послѣ выхода въ свѣтъ этой критики. Авторъ нисколько не объясняетъ внутренней связи между отличительнымъ характеромъ того и другаго идеа-

изма и тремя частями критической философіи ¹⁾), и въ добавокъ, даже не выдерживаетъ серьёзнаго тона изслѣдованія. Какъ бы кто ни относился къ такому или иному направленію философскихъ системъ, но когда мы избрали задачею изслѣдовать—какими послѣдствіями на такую или другую науку обнаружилось вліяніе какой-либо философской системы, то первымъ дѣломъ должна быть вѣрная хотя бы и краткая передача сперва непосредственнаго содержанія системы и, за тѣмъ, ея внутренняго смысла въ примѣненіи къ главнымъ вопросамъ этой науки. Каждая система философская въ результатѣ препровождаетъ къ какому нибудь опредѣленному взгляду на дѣятельность познавательную, художественную, нравственную, на отношеніе міра физическаго къ нравственному, на понятіе права и нравственности и т. д. Эти—то именно выводы и нужно имѣть въ виду при изслѣдованіи вліянія нѣмецкаго идеализма и на психологію. Но авторъ мало обратилъ вниманія на эту внутреннюю связь между

¹⁾ На стран. 317 у автора говорится, «что Фихте закончилъ построеніе своего наукословія, не успѣвши ознакомиться съ другими сочиненіями Канта. Но Шеллингу, изучившему Кантову критику *способностей сужденія*, тотъ же чудный органъ открылъ еще данныя для философіи природы и искусства». Здѣсь только по видимому показывается связь между философіею Канта и Фихте и Шеллинга; но еслибы сказано было сперва, какого содержанія были тѣ части критической философіи, съ которыми Фихте успѣлъ ознакомиться, и каково содержаніе той части критической философіи, которую позднѣе могъ воспользоваться только Шеллингъ; то тотчасъ была бы ясна внутренняя связь Шеллинга и Фихте съ Кантомъ. Фихте до изданія «Наукословія» зналъ только *критику чистаго* и *критику практическаго* разума, а такъ—какъ въ первой критикѣ Кантъ доказывалъ только то, что формы и категоріи намъ прирождены, а содержаніе къ нимъ приносится отънѣ, далѣе, что и нравственное сознаніе долга намъ прирождено и противостоитъ влеченіямъ природы, то Фихте и направилъ все къ тому, чтобы вывести эти противоположности изъ одного Я. Въ критикѣ *способностей сужденія*, вышедшей въ свѣтъ послѣ предъидущихъ критикъ, Кантъ, между прочимъ доказывалъ, что въ устройствѣ нѣкоторыхъ произведеній есть цѣлесообразность; но что идею цѣлесообразности, какъ произведеніе разума, мы не можемъ примѣнять къ цѣлому міру. Подъ вліяніемъ этой критики и изъ противодѣйствія ей Шеллингъ сталъ доказывать полную гармонію въ мірѣ порядка механическаго и цѣлесообразнаго.—Знаніе внутренней связи между историческими явленіями очень важно. Она объясняетъ внутреннюю логику исторіи.

направленіемъ философскихъ системъ и психологій; а начавши прямо съ психологій нѣмецкаго идеализма не могъ выяснитъ, почему послѣ Канта этотъ идеализмъ такъ налегаль на гармонію духа и природы, жизни физической и нравственной. Безъ знанія внутренняго склада философской доктрины, оттъняемаго направленіемъ другой доктрины, не стало и внутренняго, если можно такъ сказать, основа, на которомъ могли бы держаться подробности трактата объ идеализмѣ: вездѣ у автора замѣтно преобладаніе какого-то разбѣгающагося разсказа, удаленіе отъ центральныхъ мыслей и слабость въ связываніи подробностей единствомъ крѣпкой мысли.

Непонятно также, на какомъ основаніи авторъ посвящаетъ такъ много страницъ кантовской психологической школѣ (356—480), тогда какъ о психологическомъ германскомъ идеализмѣ говорится у него относительно слишкомъ мало (314—355). Кантовской психологій (Кантъ жилъ въ XVIII вѣкѣ) собственно нельзя относить къ направленіямъ германской психологій XIX вѣка: ея ученіе о душѣ и о способностяхъ души, объ отношеніи между міромъ физическимъ и нравственнымъ, между тѣломъ и душою до такой степени носитъ на себѣ слѣды прежней вольфіанской школы и такъ далеко отъ дальнѣйшихъ понятій объ этихъ вопросахъ, что ей нельзя было давать такъ много мѣста въ ряду направленій XIX вѣка. Можно и должно было сказать и о кантовскомъ ученіи; но какъ и насколько? Такъ и настолько, чтобы изъ его отвѣтовъ на вопросы о познаніи, объ отношеніи мышленія къ дѣйствительности, природы физической къ нравственной видно было потомъ, какъ совершалось зарожденіе новыхъ направленій философіи и психологій. Но такое до утомленія растянутое и не сведенное ни къ чему цѣлому изложеніе его психологическаго ученія ровно ничего не даетъ для уразумѣнія психологическаго идеализма XIX вѣка. Кантъ имѣетъ значеніе для XIX вѣка не положительное, а отрицательное, по

той реакціи, которую онъ вызвалъ противъ себя въ силахъ идеализма. Даже Фризу, какъ послѣдователю, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, Канта, и какъ второстепенному дѣятелю, авторъ также напрасно позволилъ занять такъ много мѣста. Объ немъ можно было даже умолчать, или ограничиться самымъ краткимъ и сжатымъ упоминаніемъ. Психологія нѣмецкаго идеализма имѣетъ несравненно больше значенія для XIX вѣка, нежели кантовская. Долгое время она оказывала сильное вліяніе и имѣла много даже даровитыхъ представителей. Къ сожалѣнію, авторъ не только мало удѣлилъ ей мѣста, но и въ этомъ сравнительно краткомъ объемѣ ограничился только бѣглымъ и поверхностнымъ разсказомъ, какъ и о кантовской психологіи, въ родѣ журнальной хроники, такъ что читатель не можетъ составить себѣ никакого цѣльнаго понятія о каждой изъ психологическихъ доктринъ идеализма. Каковы бы ни были его недостатки, но научный характеръ сочиненія требовалъ, чтобы показано было происхожденіе cadaго изъ его направленій, за тѣмъ общій типъ его міросозерцанія и тѣ начала какія вытекали изъ него для задачъ психологическихъ, и тогда уже критика сама собою вышла бы объективнымъ путемъ изъ самаго существа доктрины; но у автора до такой степени мало обращено вниманія на это разграниченіе понятій, такъ переиѣшано далекое съ близкимъ, идущее къ дѣлу съ лишнимъ, что даже, сколько нибудь знакомый съ нѣмецкимъ идеализмомъ не въ состояніи составить себѣ изъ всего изложенія типическое понятіе о каждой идеалистической школѣ. Между тѣмъ, въ идеализмъ XIX вѣка и въ разнообразныхъ его направленіяхъ есть своего рода глубокий смыслъ, есть между ними и внутренняя связь. Слѣдовало только точно опредѣлить то и другое, и недостатки ихъ обрисовались бы сами собою. Такъ, Кантъ призналъ апріорность формъ чувственности (пространства и времени) и категорій разсудка и прирожденные намъ способности разума теоретическаго и практическаго, не

обращая еще вниманія на то, какъ формы и категоріи соединены съ нашимъ разумомъ или съ самою дѣятельностію познавательною, какъ разумъ практическій или сознаніе нравственнаго долга возникаетъ изъ самаго развитія нашей внутренней природы, какъ, наконецъ, механизмъ и разумный или цѣлесообразный порядокъ природы соединяются и образуютъ одно цѣлое. Оттого, и психологія въ его школѣ удержала прежній характеръ, когда разсуждали о простотѣ души, какъ субстанціи, и о ея способностяхъ, не обращая вниманія на то, какъ именно относится весь механическій или безотчетный ходъ развитія нашихъ внутреннихъ силъ къ сознательному, нравственному и разумному. Послѣ Канта выступаетъ Фихте; но онъ еще не обращаетъ вниманія на послѣдній нерѣшенный у Канта вопросъ объ отношеніи механическаго порядка природы къ цѣлесообразному. Фихте пытался дать лучшій, по своему разумѣнію, отвѣтъ на первые два вопроса, нерѣшенные у Канта, и выводилъ изъ идеальной структуры или дѣятельности нашего Я, предшествующей его явленію и не подлежащей непосредственному сознанію, съ одной стороны, формы и категоріи познавательной дѣятельности, съ другой—нравственное сознаніе долга. Это построеніе привело его къ довольно важной мысли для психологіи, хотя она и была поставлена только теоретически—что между механическимъ предметомъ нашихъ внутреннихъ состояній и разумнымъ, между безотчетнымъ началомъ нашего психическаго развитія, *побужденіемъ* (Trieb) и его концомъ—*разумомъ* (Vernunft) есть внутренняя связь ¹⁾. Онъ почти не имѣлъ прямыхъ послѣдователей: но тѣмъ не менѣе, когда доктрина его введена, какъ звено въ общей цѣпи идеализма, то нельзя было ограничиваться только самыми общими понятіями о содержаніи ея, но необходимо было упомянуть именно о томъ, что изъ общаго фона его

¹⁾. Здѣсь отдаленное основаніе новому понятію объ *апріорности* или *врожденности* законовъ теоретической и практической дѣятельности.

системы выдѣлялось и для психологіи. А мысль его довольно важна, она сразу, въ зародышѣ обрисовываетъ духъ нѣмецкой психологіи XIX вѣка. Послѣ Фихте выступаетъ Шеллингъ и сообщаетъ новое направленіе идеализму, своеобразно отразившееся и въ психологіи. Распространяется объ немъ и почтенный авторъ (стран. 317.....); но въ такихъ чертахъ, что едвали можно было давать имъ мѣсто на страницахъ труда, названнаго историко-критическимъ изслѣдованіемъ. Что новаго внести идеализмъ Шеллинга въ сравненіи съ идеализмомъ Фихте, что новаго сообщилъ онъ для психологіи, въ сравненіи съ Фихте и Кантомъ,—этого во все не видно,—до такой степени какъ—то расходятся представленія и понятія во всѣ стороны. Между тѣмъ, различіе было довольно важное. Уже одно то, что Шеллингъ не ограничивался ни выводомъ предметнаго міра изъ внутренней, или какъ говорятъ идеалисты, предъ-опытной (предшествующей явленію) структуры нашего Я, ни кантовскимъ отдѣленіемъ мысли отъ «вещи въ себѣ», но желалъ провести идею тождества между дѣятельностію духа и устройствомъ природы, уже одно это сообщило прежнему отвлеченному содержанію психологіи болѣе жизни, указаніемъ на соотвѣтствіе между организмами тѣлеснымъ и духовнымъ. Фихте умозрительно угадывалъ гармонію между безотчетною и разумною природою только въ насъ, въ составѣ нашей жизни; Шеллингъ старается найти задатки этого свойства нашей жизни еще дальше—во внѣшней природѣ. Отсюда произошла и большая, въ сравненіи съ прежнимъ, роль аналогическихъ сужденій. Здѣсь—же прочное начало новаго понятія о взаимномъ отношеніи наукъ физическихъ и нравственныхъ. Прежде не было опредѣленнаго и такъ широко поставленнаго понятія о внутренней связи между ними; часто представляли себѣ ее только въ видѣ, взаимной ихъ пользы. Но подъ вліяніемъ философіи Шеллинга, широко развилась новая мысль, что физическій міръ не составляетъ чего—нибудь только внѣшняго для духа и чуждаго ему,

что физическая природа внутренно служитъ основою и орудіемъ всего нравственнаго и духовнаго. Такимъ образомъ, развилось новое жизненное понятіе объ отношеніи между цѣлями духа и работою природы, между порядкомъ механическимъ и нравственнымъ, цѣлесообразнымъ, между естественнымъ развитіемъ общества и требованіями идеи права, между исторіею и географіею, между художественнымъ помысломъ и чувственнымъ его выраженіемъ и т. д. Много и много было страннаго въ его доктринѣ, какъ много бываетъ иной разъ сору при созданіи самаго миньютюрнаго художественнаго произведенія; но мысль ея, какъ звено въ общей цѣпи уметвеннаго развитія, осталась; она разомъ озарила необъятный горизонтъ двухъ сферъ знанія и жизни. Но изъ разсказа автора о философіи Шеллинга никакъ нельзя составить себѣ опредѣленнаго понятія о ея результатахъ для психологіи. При томъ же Шеллингъ не писалъ психологіи и потому, необходимо было обратить вниманіе на то, что и какъ было выработано его школою въ области психологіи. Шеллингъ могъ слишкомъ расширить свои взгляды, могъ потерять изъ виду требованія строгой методы; но въ томъ употребленіи, какое сдѣлали его послѣдователи изъ его началъ въ области философіи, можно было бы видѣть скорѣе и проще, чѣмъ обнаружился его идеализмъ въ сферѣ психологіи и что именно было въ психологіи, вышедшей изъ школы Шеллинга, несходнаго съ характеромъ психологіи того же идеализма, но въ новой формации, которую сообщилъ ему потомъ Гегель. Въ особенности слѣдовало бы обратить вниманіе на два направленія въ разработкѣ философіи и въ частности психологіи, образовавшіяся въ школѣ Шеллинга—одно, имѣвшее въ виду упрощеніе его идей и сообщеніе имъ систематическаго, методическаго характера, напримѣръ, у Клейна, Троклера, Эшенмайера, другое,—усвоившее себѣ мистическую сторону его ученія, что мы находимъ, напримѣръ, у Шуберта и Баадера. Эшенмайеръ заслуживалъ бы вниманія по крайней мѣрѣ въ томъ отношеніи, что пре-

вращая всю философію въ психологію, даетъ поводъ важному вопросу—какъ возможенъ переходъ отъ психологіи, занимающейся изслѣдованіемъ постепеннаго происхожденія явленій и состояній нашей психической жизни, какъ субъективной, къ той дѣятельности духа, которой мы приписываемъ предметное и всеобщее значеніе. Но авторъ разсматриваетъ только Шуберта (стр. 327—334), и притомъ, по обыкновенію, вовсе не научнымъ образомъ. Весь разборъ Шуберта состоитъ изъ небольшого извлеченія (328—331), сдѣланнаго изъ его *Geschichte der Seele*, и потомъ, изъ непосредственно слѣдующихъ остротъ и насмѣшекъ. Какое же изъ подобнаго разбора слѣдуетъ сціентифическое понятіе о Шубертѣ? Извѣстно, что Шубертъ въ особенности пользовался аналогіями; на основаніи нѣкоторыхъ данныхъ фізіологическихъ, онъ дѣлалъ заключенія, о назначеніи и свойствахъ души; а на основаніи нѣкоторыхъ явленій психической жизни, въ нынѣшнемъ состояніи, онъ дѣлалъ заключенія о состояніи ея въ загробной жизни. Слѣдовало обратить вниманіе на подобныя умозаключенія, привести главные образцы ихъ въ систематическомъ порядкѣ и отдѣлить мечтательное отъ серьезнаго, прочное отъ гадательнаго. Тогда только можно было бы видѣть, правильно ли Шубертъ пользовался общею идеею о единствѣ жизни, и въ низшихъ явленіяхъ ея видѣлъ указанія на высшія. Умозаключенія Шуберта тѣмъ достойнѣе вниманія, что онъ извѣстенъ глубокою ученостію и всю жизнь занимался изученіемъ анатоміи, фізіологіи и другихъ естественныхъ наукъ.

Отъ школы Шеллинга авторъ переходитъ къ послѣдней формѣ германскаго идеализма въ школѣ Гегеля и затѣмъ, къ психологіи этой школы (338—355). И небольшое количество страницъ, посвященныхъ разбору этой школы, носитъ слѣды знакомства съ ея ученіемъ. Авторъ довольно внимателено разсматриваетъ и діалектическую методу Гегеля; самый разборъ здѣсь свободнѣе отъ фельетонной примѣси; но да проститъ насъ

авторъ; намъ кажется, что этому разбору онъ не даетъ твердаго направленія къ опредѣленной цѣли, которой не слѣдовало терять изъ виду, когда дѣло у насъ идетъ о психологін; и особенно для этой высшей формаціи идеализма, самый первый вопросъ,—вопросъ, такъ сказать, преддверія гегелевской психологін, котораго нельзя было не коснуться, заключался въ томъ, правильна ли мысль Гегеля объ отношеніи метафизики, или точнѣе, его общей умозрительной идеи духа къ психологін, та мысль, что задачу и направленіе психологін получаетъ отъ этой идеи? Для насъ это вопросъ, быть можетъ, рѣшенный; но въ историко-критическомъ изслѣдованіи необходимо было разсмотрѣть его съ той точки зрѣнія, съ которой смотрѣли въ то время на отношеніе психологін къ общей системѣ философін. Переходя за тѣмъ къ примѣненію, какое гегелевская школа сдѣлала изъ общаго построенія системы къ психологін, нельзя было не обратить вниманія на общій духъ этой системы въ отношеніи къ задачѣ психологін и на неразрывную съ нѣмъ связь діалектической методы. Коль скоро была бы вѣрно понята задача психологін, вышедшая у Гегеля изъ его общей идеи духа и потому способъ ея развитія въ самой психологін, типическій характеръ гегелевской психологін обрисовался бы самъ собою со всеми особенностями, которыми она отличается не только отъ психологін вольфганской или кантовской, но и отъ шеллинговской. Что же именно думала выразить гегелевская школа въ своей психологін, со стороны ея содержанія? Трудно передать ее въ немногихъ словахъ; но можно сказать, что эта школа усиливалась доказать, что развитіе нашей души, составляетъ только субъективное звено развитія духа вообще, и что безотчетный ходъ ея развитія направленъ къ осуществленію и оправданію того же идеала духа, который ясно и отчетливо сознается нашею мыслию, что, наконецъ, гармонія сознательнаго и безсознательнаго развитія души происходитъ отъ того, что безсознательныя усло-

ния жизни предпосланы самимъ же духомъ, въ высшемъ смы-
 слѣ слова, — духомъ, какъ выражается гегелевская школа, абсо-
 лютнымъ. Какъ вся исторія, по смыслу этой школы, есть только
 возвращеніе духа изъ дикихъ, естественныхъ формъ жизни
 къ себѣ самому, такъ и наша душевная жизнь есть только
 частица того же самаго возвращенія, свойственнаго духу вообще и
 выражающагося въ развитіи нашей души. Но какъ же доказать
 самымъ развитіемъ души, что въ немъ, въ каждомъ его звенѣ,
 дѣйствительно соединяются оба его предѣла — начало и конецъ,
 оба ея стороны — сознательная и безсознательная, явленіе и идея?
 Это Гегель взялся оправдать своею діалектическою методою, на-
 томъ, какъ ему казалось, основаніи, что его метода есть дѣй-
 ствительный приемъ всякой жизни, всякаго развитія, такъ — какъ
 она будто бы разомъ совмѣщаетъ въ себѣ синтезъ и анализъ,
 т. е., и отправляется отъ даннаго факта, и одушевлена общимъ
 присущимъ ей понятіемъ или внутренне присущею ей цѣлю
 развитія. Очевидно, что Гегель довелъ свои понятія о зависи-
 мости психологіи отъ общей системы философіи до послѣдней
 крайности, что онъ совершенно выступилъ за предѣлы антропо-
 логическіе, наконецъ, что его діалектическая метода, слившаяся
 уловить высшее начало творящаго синтеза и анализа, оказалась
 непримѣнимою къ дѣлу изслѣдованія и знанія, — на все это ука-
 зала бы научная критика; но въ результатѣ ея обрисовался бы
 и типъ этой психологіи, отличающій ее и отъ шеллинговской,
 и отъ вольфіанской. Говоритъ и авторъ о діалектической методѣ
 (341 — 352); но въ чертахъ до такой степени общихъ и не-
 ясныхъ въ примѣненіи къ психологіи, что нельзя видѣть ника-
 кого опредѣленнаго результата, до котораго дошла въ психологіи
 гегелевская школа. Самыя выпуклыя черты этого типа тѣ, что
 въ шеллинговской психологіи, какъ въ понятіи о взаимномъ от-
 ношеніи души и тѣла, такъ и въ самой послѣдовательности ея
 содержанія, не было такой опредѣленности, въ какую потомъ

заковалъ ее Гегель. Душа и тѣло, подѣ влияніемъ идеи тождества, имѣли характеръ только чего-то параллельнаго, сосуществующаго; тогда какъ Гегель усиливался самою методою своею представить тѣлесную жизнь, какъ низшую ступень въ развитіи жизни душевной. Въ отношеніи къ вольфіанской и кантовской психологіи, гегелевская школа окончательно перестаетъ разсматривать душу и тѣло, какъ двѣ противоположныя субстанціи и, что еще важнѣе, на способности души смотритъ только какъ на степени ея развитія или, точнѣе, какъ на постепенно возрастающую въ ней силу самосознанія и самообладанія, и, такимъ образомъ, разомъ пытается объяснить и происхожденіе, и значеніе этихъ степеней развитія или способностей.

Въ крайностяхъ гегелевскаго идеализма была одна изъ немаловажныхъ причинъ поворота къ новому направленію германской психологіи. Этотъ поворотъ обозначился прежде всего замѣчательными произведеніями Гербарта и Бенеке: если Гегель пытался опредѣлить разомъ и происхожденіе, и значеніе такъ называемыхъ способностей души, то Гербартъ и Бенеке обращали главное вниманіе на происхожденіе ихъ. Авторъ, какъ мы уже сказали, разсматриваетъ психологическое направленіе того и другаго весьма подробно. Но за то, тѣмъ умѣстнѣе становится сожалѣніе, что при такой роскоши въ дѣлѣ утонченныхъ подробностей, авторъ помѣстилъ эти два направленія тотчасъ послѣ Канта и Фриза и мало обратилъ вниманія на то, какъ именно обозначился особенный характеръ ихъ психологіи отъ противодѣйствія крайностямъ идеализма. Не высказанъ также общій итогъ направленія Гербарта и Бенеке въ историческомъ ходѣ германскихъ психологическихъ идей, и особенно въ отношеніи къ дальнѣйшему движенію германской психологіи. Напрасно также авторъ не обращаетъ вниманія на различное отношеніе психологіи къ метафизикѣ у Гербарта и Бенеке. Хотя бы даже рѣшено было, что содержаніе психологіи вовсе не зависитъ отъ метафи-

зики, но въ критическомъ разборѣ психологіи миновавшихъ направлений нельзя не обращать вниманія на связь въ какой они разсматривали задачи психологіи съ метафизикою и теоріею познанія. Разсмотрѣніе этого вопроса было бы тѣмъ интереснѣе, что во взглядахъ на него Гербарта и Бенеке можно найти два противоположныхъ направленія: у одного метафизика заправляетъ общимъ понятіемъ о душѣ, у другаго—метафизика слѣдуетъ только за психологіею и имѣетъ очень ограниченное значеніе.

На психологіи Бенеке у автора оканчивается историко-критическое изслѣдованіе нѣмецкой психологіи XIX вѣка. Но можно ли прекращать изслѣдованіе на бенековой психологіи и выдавать его за изслѣдованіе нѣмецкой психологіи XIX вѣка. Едва ли? Послѣ Бенеке прошло уже очень много времени и было уже нѣсколько новыхъ замѣчательныхъ психологическихъ изслѣдованій: сюда относятся труды по крайней мѣрѣ Лёце, Фихте мл., Фехнера и Фортляге; не упоминаемъ другихъ менѣе замѣчательныхъ. Изслѣдованіе автора тѣмъ труднѣе признать разборомъ и изображеніемъ нѣмецкой психологіи нашего вѣка, что въ немъ не только не разсмотрѣны новѣйшіе психологическіе труды, въ которыхъ такъ сильно обнаруживается болѣе зрѣлое направленіе германской психологіи, но вмѣсто ихъ занято болѣе ста страницъ (120) рассказомъ о психологіи кантовской школы, которая какъ мы уже сказали, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть представительницею направленія нѣмецкой психологіи XIX вѣка. И такъ, что вышло? Около тридцати лѣтъ и нѣсколько самыхъ живыхъ новыхъ направленій германской психологіи устранены; а на тридцать лѣтъ психологія XIX вѣка отодвинута назадъ въ область XVIII вѣка,—и остался только нѣмецкій идеализмъ и Бенеке съ Гербартомъ. Какъ-же такъ произвольно ограничивать предѣлы новѣйшей психологіи? Прекращать дѣло изслѣдованія на Бенеке было тѣмъ неумѣстнѣе, что для образца индуктивнаго анализа психическихъ явленій, авторъ часто пользуется самымъ

новѣйшимъ англійскимъ психологомъ Баномъ. Правда, авторъ говоритъ о Лёце, о Фортляге, Фехвертѣ, Вундтѣ; но нѣсколько строкъ, сказанныхъ авторомъ о каждомъ изъ нихъ, странно было бы называть историко-критическимъ изслѣдованіемъ. О Фихте мл. авторъ говоритъ нѣсколько больше (536—645). Но что же содержится въ этомъ историко-критическомъ изслѣдованіи о Фихте? Сначала нѣсколько страницъ авторъ описываетъ, какъ Фихте мл. затѣялъ съѣздъ германскихъ философовъ и психологовъ, какъ на этомъ съѣздѣ пиروвали, но ничего не сдѣлали, и потомъ, въ заключеніе критическаго изслѣдованія, выписываетъ изъ Фихтева журнала небольшую статейку Нице (стр. 644), въ которой, въ немногихъ строкахъ, излагается сущность психологическихъ взглядовъ Фихте сравнительно съ Лёце. Въ оправданіе такихъ ограниченныхъ предѣловъ германской психологіи нашего вѣка авторъ приводитъ (стр. 619), по видимому, ту причину, что Гербартъ и Бенеке были лучшіе германскіе психологи. Но это нужно было еще доказать сравнительнымъ разборомъ дальнѣйшихъ германскихъ психологовъ. Да и дѣло у насъ не въ томъ, но въ историко-критическомъ изслѣдованіи всей германской психологіи, для опредѣленія отличительнаго характера ея отъ психологическихъ изслѣдованій у нѣкоторыхъ англичанъ. А позднѣйшія психологическія изслѣдованія нѣмцевъ болѣе обнаруживаютъ въ себѣ германскаго характера, нежели психологія Бенеке. Нѣмецкая психологія послѣдняго двадцатилѣтія по прежнему не ограничиваетъ своей задачи только преемствомъ явленій и состояній душевной жизни, но пытается объяснить—какимъ образомъ это преемство отъ механическаго и безотчетнаго постепенно возвышается къ сознательному и свободному и, вмѣстѣ съ нимъ, образуетъ одинъ цѣлый и замкнутый въ себѣ кругъ жизни. Но въ выполненіи этой задачи нѣтъ уже прежнихъ крайностей, выражавшихся особенно въ идеализмѣ, съ одной стороны, и у Бенеке—съ другой. У всѣхъ замѣтно теперь несравненно

больше анализа и ссылокъ на тѣ данныя, какія представлены
 физиологическими и физическими изслѣдованіями. Но и въ этой
 группѣ новыхъ германскихъ психологовъ опять замѣтны част-
 ные отбѣнки въ рѣшеніи психологическихъ задачъ. У Фихте
 мл. и Ульрици психологія богата уже анализомъ и опирается
 на наблюденіи и физиологическихъ данныхъ, но въ объясненіи
 связи между жизнію психическою и тѣлесною, или перехода отъ
 одной къ другой, замѣтна еще значительная доля идеализма.
 Такъ, напримѣръ, Ульрици разсмотрѣвши подробно чувство
 зрѣнія и доказавши, что ни внѣшними, ни внутренними раз-
 драженіями нельзя объяснить происхожденія въ душѣ предста-
 вленія пространства, идетъ потомъ далѣе къ идеалистическому
 предположенію—что психическое начало въ насъ не иначе мо-
 жетъ образовать представленіе пространства и устремлять къ нему
 вниманіе подъ влияніемъ раздраженій, какъ только подъ тѣмъ
 условіемъ, когда ему самому свойственно давать себѣ простран-
 ство. Таково же предположеніе и Фихте мл. Другіе—туже дву-
 сторонность нашей жизни пытаются объяснять преимущественно
 на основаніи изслѣдованій физическихъ и физиологическихъ, по-
 мощію какого-то превращенія силъ, идущаго снизу вверхъ, отъ
 жизни безсознательной, безотчетной къ сознательной и отчетливой.
 Таково направленіе. Фехнера и Вундта. Вундту, напримѣръ, ка-
 жется совершенно выясненнымъ переходъ отъ жизни физической
 къ психической, сознательной, когда онъ говоритъ, что всѣ
 безсознательные процессы природы составляютъ только посылку
 огромнаго умозаключенія, а ощущеніе есть только его оконча-
 тельный выводъ, результатъ (ergo). Мудрую средину между ними
 занимаетъ Лёце. Нѣчто среднее между ними образуетъ и Форт-
 ляге, такъ-какъ въ своей психологіи онъ занимается только
 анализомъ сознательной психической жизни, не касаясь вопроса
 объ отношеніи ея къ тѣлесной жизни. Такъ-какъ у всѣхъ этихъ
 психологовъ при синтезѣ есть въ значительной степени и ана-

ливъ, то въ критическомъ изслѣдованіи нѣмецкой психологіи XIX вѣка ихъ психологическіе труды заслуживали бы особеннаго вниманія; потому что только послѣ разбора ихъ ученій можно было бы показать, чѣмъ именно одинъ психологическій анализъ, имѣющій дѣло только съ преемствомъ психическихъ явленій и состояній, отличается отъ другаго, рассматривающаго ихъ не иначе, какъ по отношенію къ живой, цѣльной и сознательной жизни души. Пока не выяснено это различіе, до тѣхъ поръ нѣтъ данныхъ для заключенія объ относительномъ значеніи обоихъ направленій психического анализа. И это заключеніе тѣмъ труднѣе сдѣлать, что почтенный авторъ въ своемъ изслѣдованіи большею частію не представляетъ типической характеристики замѣчательнѣйшихъ психологовъ и мыслителей, сказывавшихъ влияніе на психологію, что и повело къ большимъ недостаткамъ его критики.

Въ историко критическомъ изслѣдованіи автора вся критика вездѣ почти служитъ выраженіемъ только субъективнаго настроенія и ограничивается безпрерывно повторяющимися однообразными фразами въ родѣ—схоластики, силлогистики, мистификаціи, богини музы и т. далѣе. Не такой родъ критики желателенъ въ ученomъ трудѣ. Въ чемъ бы ни состояла односторонность направленія какой-нибудь философской, или психологической системы, за исключеніемъ развѣ вопіющей нелѣпости, оно не можетъ быть абсолютнымъ недостаткомъ, какъ болѣзнь не есть еще абсолютное отрицаніе жизни и здоровья. Въ своемъ источникѣ оно предполагаетъ какое-нибудь чувство недостатка, вызванное ошибками прежняго направленія; восполняя его, оно ставитъ себя, какъ потребность развивающейся мысли; но потомъ, въ свою очередь, утрачиваетъ свою силу, отъ неизбежной каждому направленію ограниченности. На эту-то положительную сторону каждаго замѣчательнаго направленія автору слѣдовало бы сперва указать, какъ вообще въ германской психологіи XIX вѣка, по

отношенію къ психологіи прежней, такъ и во всѣхъ главныхъ ея направленіяхъ, если онъ желалъ сообщить основательный характеръ самому разбору ихъ недостатковъ и каждое изъ нихъ отбѣнить свойственнымъ ему колоритомъ; но у автора почти нѣтъ подобной предметной критики, нѣтъ и указанія типическихъ недостатковъ, свойственныхъ каждому направленію въ частности. Нѣкоторымъ исключеніемъ можетъ быть только разборъ психологіи Гербарта и Бенеке. Оттого происходитъ однообразіе въ приемахъ отрицанія и немощное усиліе—придать имъ занимательность помощью оборотовъ, дѣйствующихъ тѣмъ неспротиву, что они неоднократно повторяются въ одномъ и томъ же видѣ ¹⁾).

Отсутствіе научной критики въ сочиненіи—*нѣмецкая психологія* тѣмъ замѣтнѣе, что почтенный авторъ неоднократно, безъ всякихъ основаній, выдаетъ себя за самаго строгаго представителя науки и, съ непонятнымъ тономъ пренебреженія, относится въ психологическимъ трудамъ такихъ ученыхъ, какъ Лёце, Фехнеръ и Фихте мл. Здѣсь же, въ недостаткѣ широкой, предметной точки зрѣнія, въ недостаткѣ, отъ котораго произошли у автора немощи его критицизма, заключается причина и преувеличенныхъ понятій его о психологическихъ приемахъ и трудахъ нѣкоторыхъ англійскихъ психологовъ. Каковы бы нибыли достоинства довольно неопредѣленной еще, въ отношеніи къ психологіи, индуктивной методы и недостатки германской психологіи XIX вѣка, но для дальнѣйшихъ успѣховъ психологіи знаніе ея существенно необходимо. И если разработкѣ индуктивной методы предстоитъ совершить реформу въ состояніи психологіи, то—тѣмъ лучше. Но эта реформа не можетъ состоять въ отрицаніи всѣхъ другихъ приемовъ и результатовъ психоло-

¹⁾ Мы не приводимъ здѣсь примѣровъ странной критики у автора, потому что ихъ слишкомъ много. О комъ-бы авторъ ни заговаривалъ—о Декартѣ, Лейбницѣ, Вольфѣ, Кантѣ, Гегелѣ, Шеллингѣ, Шубертѣ и т. д., для всѣхъ-характеристика одна и критика одна—это *силлогизация, сущности, мистика, буддизмъ* и проч. и проч.

гическихъ изслѣдованій. Благотворность ея вліянія на психологію должна ограничиться только возбужденіемъ большаго вниманія къ изслѣдованію происхожденія психическихъ явленій или ихъ послѣдованія однихъ за другими. Но она всегда будетъ безсильна въ опредѣленіи ихъ смысла и значенія.

V.

Въ заключеніе, обратимъ вниманіе еще на нѣкоторыя противорѣчія въ историко-критическомъ изслѣдованіи автора. Нѣтъ нужды входить здѣсь въ разсмотрѣніе какихъ—нибудь частныхъ или второстепенныхъ противорѣчій, не имѣющихъ тѣсной связи съ основнымъ взглядомъ автора на задачу психологіи. Для насъ имѣютъ интересъ тѣ противорѣчія, или, по крайней мѣрѣ, непоследовательности, въ которыхъ обнаруживается нѣкоторая шаткость понятія автора о задачѣ психологіи. Въ историко-критическомъ изслѣдованіи своемъ авторъ весьма часто возстаетъ противъ метафизики, хотя и не было нужды въ частомъ повтореніи одного и того же. И авторъ правъ по крайней мѣрѣ въ томъ отношеніи, что психологіи не должно смѣшивать съ метафизикою. Далѣе, авторъ ограничиваетъ психологію только изслѣдованіемъ предмета психическихъ явленій, т. е. состояній. И въ этомъ отношеніи взглядъ автора на предметъ психологіи имѣетъ свои основанія, и успѣхъ его будетъ зависеть отъ способа выполненія; дѣло мастера боится. Но на какомъ же основаніи почтенный авторъ однажды рисуется пафосомъ негодованія противъ всего метафизическаго, а въ другой разъ усиливается отстаивать метафизическія истины, хотя ему кажется, что онъ не имѣетъ къ нимъ никакого дѣла. Такъ, напримѣръ, однажды авторъ возстаетъ противъ категорій и формъ познавательной дѣятельности, противъ всего апріорнаго; а въ другой разъ говоритъ о самобытныхъ законахъ духа (стр. 365), о его непротяженности и простотѣ (стр. 275)? И что еще удивительнѣе, тутъ же (365)

рядомъ и допускаетъ самобытные законы духа и утверждаетъ, что всѣ теретическіе и практическіе феномены объясняются въ послѣднемъ анализѣ изъ ощущенія. Подобныя положенія требовали бы по крайней мѣрѣ точнаго объясненія.

Такія же противорѣчія мы находимъ и въ тѣхъ мѣстахъ его сочиненія, гдѣ авторъ желалъ бы даже утвердить нѣкоторыя метафизическія истины (стр. 357—358), какъ важныя для воспитанія и жизни. Нѣтъ ничего естественнѣе подобнаго серьезнаго желанія. Но почтенный авторъ не замѣчаетъ, что онъ опять вноситъ на свои страницы нѣкоторое противорѣчіе. На стр. 357 и 358-ой авторъ выражаетъ ту мысль что высшія руководительныя истины нисколько не теряютъ оттого своей обязательной силы, если мы будемъ знать, что онѣ не составляютъ чего-то первичнаго, что онѣ, то есть, сами составляютъ нѣчто сложное изъ простѣйшихъ элементовъ и образовавшееся подъ вліяніемъ вѣшнихъ впечатлѣній. Авторъ совершенно правъ, что эти истины нисколько не теряютъ оттого своей силы, если мы знаемъ постепенность ихъ происхожденія; но опять—странно говорить, что эти истины нисколько не теряютъ своей силы, когда ни слова не сказано, откуда же онѣ получаютъ свою силу, если психологія, занимающаяся только психическими явленіями, нисколько не сообщаетъ, да и не можетъ сообщить имъ этой силы. Быть не можетъ, что бы онѣ получали свою силу оттого, что мы узнали ихъ производность. Это противорѣчило бы показаніямъ практической психологіи цѣлаго человѣчества.

Но сколько бы ни было подобныхъ противорѣчій въ историко-критическомъ изслѣдованіи автора о нѣмецкой психологіи, для насъ важны не самыя противорѣчія, а причины ихъ.

Намъ кажется, что почтенный авторъ, во первыхъ, не выяснилъ, какъ должно понимать ту сторону въ составѣ нашего познанія, которую обыкновенно называютъ апріорною. Оттого и

происходить у него нѣкоторая зыбкость въ понятіяхъ объ этомъ составѣ. Авторъ чувствуетъ, что безъ нея нельзя объяснить происхожденія познанія, и потому, отстаивая *рефлексію* Локка, даже готовъ думать, что между этою рефлексіею и лейбницевымъ понятіемъ о врожденности разума нѣтъ никакого различія. Во вторыхъ, авторъ нигдѣ ни выяснилъ, что именно должно разумѣть подѣ именемъ метафизики, и употребляетъ это выраженіе въ томъ неопредѣленномъ смыслѣ, какъ иногда употребляютъ его въ жизни—наскоро и наудачу. Изъ того, что метафизика имѣла странный характеръ въ средніе вѣка, и быть можетъ отчасти удерживала его даже и въ новыя времена, еще не слѣдуетъ, что психологія можетъ оставить безъ вниманія свое отношеніе къ ней. Только вещественные предметы, напримѣръ, какой-нибудь минералъ, или плодъ, предстаютъ въ готовыхъ, опредѣленныхъ очертаніяхъ, данныхъ имъ независящимъ отъ насъ процессомъ природы; но все мыслимое, каждое понятіе, а тѣмъ болѣе наука выдѣляется для насъ и получаетъ свои опредѣ^{СНН}ляющія очертанія не иначе, какъ умственной работою, выясняющею ихъ отношенія къ другимъ, соприкосновеннымъ съ ними сферамъ знанія и внутренней жизни. Не можетъ и психологія установить съ точностію своихъ задачъ, не опредѣливши своего отношенія къ метафизикѣ, и тѣхъ границъ, которыми одна отдѣляется отъ другой. Для того, нужно только опредѣлить, что должно разумѣть подѣ метафизикою. Обыкновенно, при вопросѣ объ отношеніи психологіи къ метафизикѣ, тотчасъ представляютъ себѣ ее въ какой-нибудь опредѣленной формациі—новоплатоновской, средневѣковой, вольфганской и т. д., и отрицая все подобныя формациі и какое-бы то ни было отношеніе психологіи къ нимъ, думаютъ, что таково же отношеніе психологіи и къ метафизическимъ стихіямъ или къ тѣмъ истинамъ, которыя выступаютъ изъ ряда истинъ, касающихся только міра явленій. Но подобное понятіе психологіи было бы не основательно и опять не выра-

жало бы той психологіи человечества, на которую указывает намъ вся его исторія. Психологія не есть метафизика и не можетъ быть метафизикою; она не вноситъ въ свою область истинъ метафизическихъ; но съ другой стороны, она не можетъ, по крайней мѣрѣ въ своемъ результатѣ, не притти къ такимъ предѣламъ, на которыхъ открывается для насъ высшая область знанія внутренней жизни. Занимаясь изслѣдованіемъ явленій нашей внутренней жизни, изображая ряды ихъ отъ низшихъ къ высшимъ, она открываетъ въ послѣднихъ тотъ органъ, который преимущественно приспособленъ къ содержанію высшихъ истинъ какъ теоретическихъ, такъ и практическихъ. Такимъ образомъ, если психологія, занимаясь изслѣдованіемъ психической жизни, вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдитъ и за развитіемъ нашего самосознанія, какъ органа высшихъ истинъ, то другія части философіи занимаются указаніемъ предметнаго основанія ихъ.

Подобныя же противорѣчія, но въ другомъ родѣ, мы находимъ у автора тамъ, гдѣ онъ касается отношенія индуктивной психологіи, ограничивающейся только изслѣдованіемъ преемства психическихъ явленій, къ практической жизни. Сказавши (на стр. 108-ой) что «нравственность могла бы направляться и интересами тѣла.» авторъ прибавляетъ, что «составъ ея естественныхъ явленій отъ этого нисколько не измѣняется: мотивы долга, правды и т. д., откуда бы они въ концѣ ни выходили и къ чему бы они въ концѣ ни направлялись,—а съ ними вмѣстѣ и существо наказаній, какъ возмѣщеніе недостатка или тупости естественныхъ мотивовъ—остаются въ своей фактической силѣ.» »Развѣ какой—нибудь членъ тѣла.» говоритъ почтенный авторъ (3-7 стран.), «перестаетъ быть необходимою частію въ общей экономіи нашихъ физическихъ и духовныхъ интересовъ, когда мы узнаемъ, какъ и изъ какихъ элементовъ онъ сложился. Не то же ли прилагается и къ высшимъ интересамъ духа? Не ужели гармонія личныхъ интересовъ съ интересами обще-

ства перестаетъ быть обязательный началомъ морали, когда мы узнаемъ, какъ образуется и возрастаетъ система интересовъ и требованіе ихъ гармоніи? Не станемъ много распространяться о томъ, въ какой степени вѣренъ взглядъ автора на основанія нашей практической жизни. Что наша жизнь можетъ руководствоваться и потребностями нашей физической природы, что и нравственно-общественная жизнь, ея крѣпость и строй зависятъ отъ гармоніи личныхъ интересовъ съ интересами общественными, объ этомъ никто, конечно, спорить не станетъ. Сила вопроса, имѣющаго тѣснее отношеніе и къ психологій, состоитъ далеко не въ томъ. Когда мы говоримъ, что нравственная жизнь можетъ руководствоваться и интересами тѣла, что гармонія личныхъ интересовъ не умалается отъ знанія механизма этой гармоніи, что мотивы долга и правды и существо наказаній остаются въ своей фактической силѣ, хотя бы мы принимали во вниманіе и потребности нашей тѣлесной природы, то для насъ возникаетъ вопросъ другой: достаточно ли для нравственныхъ мотивовъ жизни руководствоваться одними интересами тѣла? Далѣе, гдѣ окончательное и обязательное основаніе для гармоніи личныхъ интересовъ съ общими? Достаточно ли для наказаній имѣть только фактическую силу? Словомъ—сводя всё подобные вопросы къ одному общему, — достаточно ли для нравственной жизни тѣхъ мотивовъ, которые дѣйствуютъ на насъ только механически, т. е., вліяніемъ такъ поставленныхъ условій жизни, что они какъ—бы сами собою, помимо самостоятельной и самосознательной воли человѣка, заставляютъ его оставаться въ извѣстныхъ предѣлахъ, или нужны еще мотивы другіе, высшіе? Будутъ ли даже состоятельны первыя условія, какъ бы мы ни относились къ началу и цѣли мотивовъ долга и правды и къ высшимъ опорамъ нравственнымъ? Отвѣчать на эти вопросы утвердительно можно только при поверхностномъ понятіи о нравственной жизни и о характерѣ всѣхъ явленій нашей внутренней природы. Удерживаясь строго въ предѣлахъ механи-

ческаго строя нашей жизни, съ трудомъ можно бы было достигнуть только условнаго, утилитарнаго значенія всѣхъ мотивовъ долга и правды. Но утилитарное, условное значеніе ихъ не то, что—нравственное. Есть много вещей въ мірѣ, имѣющихъ свое значеніе, въ смыслѣ явленія, вызываемаго обстоятельствами: но это значеніе ихъ нельзя назвать нравственнымъ, и даже и оно опирается не само на себѣ. Кантъ плохо ставилъ свою теорію такъ называемыхъ способностей души; но онъ зналъ, что дѣлалъ, когда утверждалъ значеніе нравственныхъ убѣжденій не на механизмѣ явленій практической жизни, а на идеѣ нравственнаго долга, на нравственномъ самосознаніи человѣка, когда говорилъ: двѣ вещи возбуждаютъ во мнѣ благоговѣніе—звѣздное небо надъ мною и нравственный законъ во мнѣ. Просто, не мотивы долга и правды утверждаются на механизмѣ явленій практической жизни, а на оборотъ, единственная опора самаго этого механизма утверждается на самостоятельномъ сознаніи нравственныхъ мотивовъ долга и правды, неразрывныхъ съ нравственнымъ самопознаніемъ человѣка. Только при этомъ условіи и существо наказаній можетъ имѣть не одну фактическую силу,—чего было бы слишкомъ мало, ибо и варварство и макиавелизмъ могутъ имѣть фактическую силу,—но и нравственную; фактическая сила должна быть только явленіемъ и выраженіемъ силы нравственной.

Но для насъ важенъ здѣсь еще одинъ вопросъ—правильно ли относится этотъ взглядъ на зависимость мотивовъ долга и правды къ задачамъ психологіи и къ практической жизни, какъ широкому выраженію нашей душевной жизни, составляющей предметъ психологіи? Имѣетъ ли какую либо связь одно съ другимъ? Если бы можно было разсматривать нашу психическую жизнь только и не болѣе, какъ явленіе и состояніи психическихъ, то переходъ отъ него къ самостоятельнымъ началамъ нравственной жизни былъ бы крайне затруднителенъ; тогда нужно было бы, чтобы вмѣсто одной души было у насъ

двѣ: одна состояла бы только изъ преемства, какъ преемства, явленій, а другая въ этомъ преемствѣ заключала бы и развитіе отъ низшаго къ высшему, завершаемое нравственнымъ самосознаніемъ и самостоятельно—сознаннымъ содержаніемъ, превышающимъ всякія произвольныя надъ нимъ операціи іезуитства. Тогда и въ жизни психическія явленія съ ихъ преемствомъ служили бы только формою, въ которую можно было бы вносить какое-угодно содержаніе, какъ низкое, такъ и высокое. Къ счастью, наша психическая жизнь, въ томъ видѣ, какъ ее находитъ безпристрастное наблюденіе, представляетъ въ себѣ нѣчто гораздо болѣе, нежели одно преемство внутреннихъ явленій и состояній. Наблюденіе и вся наша жизнь окончательно убѣждаютъ насъ, что въ нихъ есть послѣдовательный ходъ отъ низшаго къ высшему, что въ ихъ преемственномъ ходѣ связуется въ одно живое цѣлое порядокъ механическій съ цѣлесообразнымъ, что преемственный ходъ ихъ, по мѣрѣ развитія, заправляетъ нашимъ самосознаніемъ, такъ что въ его лонѣ все они образуютъ одну цѣльную систему средствъ и цѣлей, что, наконецъ, вся эта самосознательная жизнь не есть только механизмъ и орудіе виѣшней силы, но и самостоятельное, самосознательное существо. А самосознательному существу свойственно не только принимать, но и самостоятельно сознать основанія воспріятому въ своемъ собственномъ внутреннемъ существѣ.

Здѣсь только становится яснымъ, почему явленія психической жизни нельзя разсматривать такъ-же, какъ явленія физическія, и почему взглядъ на психологію, какъ на науку, занимающуюся только преемствомъ явленій психической жизни, не смотря на всю его пользу, долженъ составить только низшее, подчиненное звѣно другаго, высшаго взгляда на существо ихъ, хотя психологія оттого не только не теряетъ характера науки, а напротивъ, пріобрѣтаетъ его, потому что только въ такомъ случаѣ она соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Явленія

Физическія сами своей цѣли не сознають; а потому, ихъ и изучаютъ только, какъ средство для достиженія цѣлей, признаваемыхъ человекомъ. Но психическія явленія мы изучаемъ не для того только, чтобы потомъ можно было кому нибудь пользоваться ими, какъ средствами для достиженія какихъ—нибудь своихъ цѣлей, но чтобы развить въ человекѣ присущее его внутренней природѣ самосознаніе и самообладаніе.

Сдѣлаемъ теперь наше общее заключеніе. Почтенный авторъ сдѣлалъ доброе дѣло, выдвинувши вопросъ объ отношеніи англійской психологіи къ германской изъ предѣловъ школы на арену печатныхъ разсужденій; но самое рѣшеніе вопроса еще далеко впереди.

С. Гогоцкій.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

о печ.		ис прав.	
стран.	строк.		
5	13	твердый	твердый,
13	22	значенія	значеніе
—	26	психологической	психической
16	22	однаго	одного
—	31	достаточно	достаточною
17	6	не обходимѣ	необходимою
20	23	не сходный	несходный
25	32	изслѣдованія	изслѣдованія;
27	10	внѣшнее	внѣшнѣе;
—	17	своиствами	свойствами,
—	—	метода;	метода
37	24	интексивнаго	интенсивнаго
40	13	како-то	какое-то
41	31	не уяснить себя	ни уяснить себя
43	12	Когда у Декарта	Когда же у Декарта
45	20	бэконовскрю	бэконовскую
47	26	психологическихъ	психическихъ
60	24	Geisles	Geistes
—	27	Erinnerungst kraft	Erinnerungskraft
61	33	есть цѣлесообразность	есть цѣлесообразность;
81	29	ореемство	преемство